

Вадим ПОТАПОВ

Если мы хотим что-то понять по настоящему о прошлом, надо прежде всего выяснить, что происходило в головах людей.

*Марк БЛОК,
французский историк*

СТАЛИН. РЕФЛЕКСИЯ

(10 ночей 1941 года)

*Юрию ДОМБРОВСКОМУ, на чьем "Факультете..."
я учусь уже лет тридцать.*

Вадим Олегович Потапов Сталин. Рефлексия (10 ночей 1941 года)

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43615095
SelfPub; 2019*

Аннотация

В этой книге о названных в его честь временах рассуждает сам заглавный персонаж. Сюжет книги – события первого полугодия войны глазами Сталина, думающего на своей даче о том, что происходит и почему; рефлексия вождя затрагивает как 41-й, так и предыдущие годы. Все предметы сталинского размышления не вымышлены, вымышлены (или смоделированы) только сами размышления. При этом представленный читателям Сталин не оценивает свои действия на соответствие нормам морали и этики – прошлое его интересует только для определения линии своего сегодняшнего или завтрашнего поведения.

Содержание

От автора (несколько уточнений)	4
Чужими словами	6
Ненайденный документ (прелюдия к эпилогу)	8
Камера первая	11
От Вильнюса до Москвы. Гамбургский счет.	16
Примечание	16
Сути и смыслы, они же – эпитафьи	17
2-я ночь (с 23 на 24 июня 1941-го). Сумбур.	18
Два дня войны и предвоенный месяц.	18
Особенности русских исторических оценок	
Библиотека Сталина. Тухачевский,	35
Пилсудский, Шапошников. Финская война.	
Война гражданская и подготовка к войне	60
отечественной. Кулик и Ванников	
Речь Гитлера и речь Молотова. Молчание	68
Сталина и слова Черчилля.	
Поиск союзников: Англия и Франция	78
(1938-39 г.г.). Две попытки, переговоры,	
тупик	
Тоже поиск союзников: Булгаков,	103
Пастернак, Замятин, церковь	
Конец ознакомительного фрагмента.	104

От автора (несколько уточнений)

Неизвестный человек написал нечто о человеке известном и сразу пристает к читателю со своими объяснениями. А ему (читателю) это надо? Может, пролистав лишь несколько страниц, он бросит чтение зачем-то взятого в руки длинного опуса и навсегда забудет и книжку, и ее автора, и, уж тем более, предисловие? Поэтому здесь нет никаких предварительных разжевываний смыслов и суетей – только уточнения:

1. Автор ничем не оплодотворил (и, надеюсь, не изгадил) ниву военно-исторической науки – он лишь воспользовался чужими изысканиями, сверяясь с самыми разными источниками. Речь, конечно, идет о принципиальных событиях, события менее (на взгляд автора) важные попадали в книгу и благодаря единственному свидетельству. Ну а первоисточник, естественно, мог быть и один – на то он и первоисточник. Правда, что считать первоисточником? Можно ли принять за таковой документ, опубликованный не в "официальном" издании, да к тому же без ссылок на номер архивной папки? Что ж, можно и принять, бывало, и принималось, но это не касается принципиальных (опять же, на взгляд автора) эпизодов.

2. Автор не может дать гарантий, что настоящий Сталин знал все, что знает "его" Сталин. Единственное, что в этом плане гарантируется: Сталин мог это знать.

Тем, кому захочется использовать сей текст как источник информации, посоветую: если "мой" Сталин ссылается на конкретную фамилию или конкретную организацию, значит, знал это и "настоящий" Сталин. В противном случае – не факт.

3. (на всякий случай). О чем думал настоящий Сталин автор не знает – он лишь предполагает. Но – на основе фактов.

4. В книге много сносок, но читать их нет никакой необходимости – это либо ссылки на источники, либо уточнения. Как правило, вынужденные: ведь Сталин не будет говорить: "премьер министр Франции в 1933, 1934 и 1938-40 Эдуар Даладьё", он ограничится фамилией. Не знаете, кто такой – смотрите ссылку¹....

5. Если есть желание, следите за внешним видом текста: реальные цитаты приводятся курсивом (или жирным курсивом).

И еще: гипотеза о том, что автор – сталинист (по мнению самого автора) **не верна.**

---

¹ НЕВЫНУЖДЕННОЕ УТОЧНЕНИЕ: излишние подробности в монологах (да и диалогах) как тостораживают. Если читали в "удлиненных" собраниях сочинений Сталина (или в книгах В. Жухрая) "стенограммы" бесед вождя с "генерал-полковником А.М. Лавровым", то понимаете, что я имею в виду.

Чужими словами

Иммануил ВАЛЛЕРСТАЙН, Георгий ДЕРЛУГЬЯН, социологи (Йельский и Нью-Йоркский университеты; США; 2006 г.)

Каждая российская модернизация... означала некую революцию сверху – или, в случае с большевиками, вначале огромную революцию снизу, вслед за которой последовала сталинская революция сверху.....

Критики большевистской революции должны были бы доказать, как Россия могла быть либеральной во времена, когда она понесла военное поражение, была полна вооруженных озлобленных крестьян, быстро разрушалась на фоне разнообразных националистических настроений...

Николай БЕРДЯЕВ, философ (1937 г.)

Никогда в стихии революции, и особенно революции созданной войной, не могут торжествовать люди умеренных, либеральных, гуманитарных принципов. ... Только диктатура могла остановить процесс окончательного разложения и торжества хаоса и анархии.

Михаил ЛЕРМОНТОВ (1830 г.)

Настанет год, России черный год,

Когда царей корона упадет;

Забудет чернь к ним прежнюю любовь,

И пища многих будет смерть и кровь;

Когда детей, когда невинных жсен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь – и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож;
И горе для тебя! – твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет все ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.

Ненайденный документ (прелюдия к эпилогу)

Товарищу Сталину И.В. от Берия Лаврентия Павловича, 1899 года рождения, грузина, заместителя председателя Правительства СССР

Чистосердечное признание/

Считаю своим долгом чистосердечно признаться Вам в том, что с 20 июня 1941 года и по вчерашний день включительно мною незаконно и без ведома партии и правительства было организовано прослушивание помещений Вашей дачи в Кунцево.

Эта преступная деятельность была организована мной лишь с одной целью: сохранить для истории Советского государства и мирового коммунистического движения слова и мысли великого вождя Советского народа и всего прогрессивного человечества, выдающегося продолжателя дела Ленина, неколебимого борца за победу коммунизма во всем мире, гениального полководца товарища Сталина.

В осуществлении моей вредительской работы в качестве специалиста по звукозаписывающему оборудованию мне помогал мой сын, Серго Лаврентьевич Берия, 1924 года рож-

дения, на момент совершения преступления – техник-лейтенант, сотрудник Центральной радиотехнической лаборатории НКВД СССР, слушатель Ленинградской военной академии связи им. С.М. Буденного.

От признания Вам в незаконном прослушивании помещений Вашей дачи меня удерживал не только страх справедливого возмездия советского народа, но и желание передать в коммунистическое будущее как можно больше Ваших слов и мыслей, необходимых не только нам, живущим в Ваше время, но и нашим потомкам. Все это заставляло меня постоянно откладывать свое признание, что послужило питательной средой для другого преступления, более низкого, чем подлое предательство Вашего доверия с моей стороны: вчера из сейфа моей квартиры, где я с нарушением инструкций по работе с секретной документацией незаконно хранил различные служебные материалы, был украден один из двух экземпляров стенограммы (экземпляр №2, экземпляр №1 хранился в сейфе моего рабочего кабинета). Проведенные поиски на сегодняшний день не дали нужного результата, поэтому есть основание полагать, что указанный текст может оказаться у наших врагов и недоброжелателей. Главным подозреваемым в похищении стенограммы считаю генерал-полковника Лаврова Александра Михайловича. По известным Вам причинам, проводить работу по указанному лицу органы могут лишь при получении Особого указания.

Также сообщаю, что все пять технических сотрудников,

осуществлявших стенографирование, отправлены сего дня в отдаленные воинские части, соответствующие поручения моим подчиненным, приставленным к этим частям, отданы. Магнитофонные записи прослушивания уничтожены. Сохранившийся экземпляр стенограммы на 2 936 машинописных листах прилагается.

Глубоко раскаиваясь в своих действиях, прошу наказать меня по всей строгости советского закона. При этом прошу Вас не применять суровых мер социальной защиты к моему сыну, поскольку он был мной подло обманут и думал, что его действия законны и связаны с выполнением Вашего поручения.

Л. Берия

Камера первая

Этот звонок заставил бы встать с кровати даже умирающего, а здорового – как минимум с нее выпрыгнуть, может даже, взлететь.

Одновременно со звонком вспыхнул яркий свет, осветивший небольшую комнату, похожую одновременно на прихожую, кухню, спальню и санузел: в помещении находились вешалка, подвесной железный шкаф, две составленные рядом кровати, пара стульев, электроплитка, раковина, душ, унитаз. Обстановку можно было бы назвать более чем скромной, если бы в углу не стояло чудо техники – холодильник ХТЗ, недоступная мечта любой советской хозяйки.

Была в комнате и хозяйка, о чем свидетельствовали длинные пряди волос, высывающиеся из-под одеяла. Был и хозяин: неспешно встающий с кровати рябой мужик неопределенного возраста с длинной, плохо расчесанной бородой: когда-то, скорее всего, огненно рыжей, но сейчас по странному многоцветной.

Мужик явно никуда не торопился, его умиротворенное и даже довольное лицо свидетельствовало: его не раздражали ни режущий глаза свет, ни бьющая по ушам трель звонка.

Плавной походкой он подошел к металлическому шкафу, взялся за две ручки вверху и уверенным движением потянул их на себя. То, что без звука оказалось в его руках, выглядело

как узкий металлический чемоданчик с ручками, зачем-то приделанными к боковине. Мужик опустил эту странную железяку на пол, открыл нижнюю часть шкафа, достал из нее точно такой же предмет и уверенным движением обеих рук водрузил его на место снятого. Затем он поднял с пола лежащий чемоданчик, взял его под правую руку, левой отодвинул малозаметную узкую дверцу в противоположной кроватям стене и засунул свою ношу в открывшийся тесный проем.

К звонку добавился новый звук: тихий, но вполне различимый. Вскоре проем на секунду осветился, звук усилился и предмет исчез вместе со светом в проеме. Мужик закрыл дверцу. Наступила тишина, а свет сменился на полумрак. Бордач достал пачку явно не подходившей его облику "Герцеговины Флор", вытащил папиросу и закурил.

Ему нравилась его работа. И жизнь ему нравилась. Самим фактом своего существования. Или, что точнее, продления.

У него никогда не было такой работы. В обычном смысле он вообще ни дня не работал – либо "исправлялся" в лагерях, либо разбойничал. Крестьянский сын не ставший крестьянином по лихости не характера – времени: еще в Гражданскую осиротел, приткнулся к какой-то тамбовской банде, наглотался газов в тамошних лесах, получил несколько пуль, а жизнь сохранил лишь по малолетству. Да по доброте немолодого человека в буденовке, командовавшего отрядом, что взял в плен его сотоварищи. "Сколько тебе лет, рыжий?" – зло спросил его тот. "Не знаю, дяденька, маленький я, счи-

тать еще не умею. Я – жить хочу." Дядька весело расхохотался и, не прерывая смеха, подвел итог судебнo-следственнoму действию: "Всех в расход, а рыжего, раз жить хочет – в тыл. Пусть там разбираются. Советская власть не убивает малолетних граждан, тем более таких красных."

Там, где "разбираются", его направили в школу, больше похожую на лагерь: он, может, и рад бы поучиться, но ходить навтыяжку с голодным желудком... Потому – побег, новая банда, новый арест, теперь уже срок и лагерь, на школу совсем не похожий. Сколько всего лагерей в его жизни было, он не считал – зачем? И дни, проведенные в лагерях, не считал – глупость все это. Зачем считать, зачем писать – жить надо!

И он жил, жил как мог, прощая обиды Советской власти и ее служивым, но не прощая ничего своим товарищам. В особенности он не любил, когда его называли дураком – тут его действительно не очень умную голову просто сворачивало. Однажды эта его особенность привела к совсем неприятным последствиям: обидчику – смерть, ему – стенка. Судившая убийцу выездная тройка не интересовалась, хочет ли он жить. Об этом спросил лишь грозного вида начальник, приехавший в лагерь и забравший его с собой после очевидного ответа: "Хочу, дяденька, хочу!".

Осужденного долго везли в багажнике легковушки, связав ему руки и ноги и завязав глаза. Когда машина остановилась, мужика грубо из нее извлекли, поволокли по какой-то тро-

пинке (ногами чувствовал: тропинка – не дорога, не просека), затем была идущая вниз лестница, каменный пол, развязанные конечности, стук закрывшейся двери и полная тишина. Повязку с глаз он снял сам, оглядел слегка освещенную камеру и своим небольшим умом понял: здесь его не расстреляют – обстановка не та.

Вскоре дверь открылась, и на пороге появился все тот же грозный человек. "Хочешь жить – живи, – спокойно изрек он, сев на кровать рядом с ним. – Вечной жизни не обещаю, но несколько лет точно поживешь. Если будешь выполнять мои указания. Ты ведь их будешь выполнять?" Услышав ожидаемый ответ, гость (вернее, хозяин, но зэк не очень разбирался в таких тонкостях) чуть улыбнулся, открыл железный шкаф в углу, показал на находящиеся в нем свертки и произнес: "Холодильник. Будешь в нем жратву хранить, что я тебе приносить буду. Можешь ее на плите готовить. Что, не умеешь пользоваться? Тогда холодной жри – не простудись только. Береги здоровье – мне здоровый нужен. Для тебя здоровье – что для меня жизнь."

Начальник рассмеялся собственной шутке, встал с кровати, открыл дверь и сообщил на прощанье: "Зайду завтра, тогда и объясню тебе, чем заниматься будешь. А пока спи, жри, можешь выпить даже – вон там в углу стоит... Может, бабу хочешь? Будет тебе баба, скоро привезем. Не сегодня, ишь глаза вылупил – на недельке получишь. Зато не на ночь – навсегда. И поможет, и накормит, и спать уложит. Навсегда, на

всю оставшуюся...." – и довольный дядька исчез в дверном проеме.

Наутро он пришел, как обещал, объяснил, что нужно делать и вновь посулил – пулю за любую оплошность и бабу за труды.

Не обманул. Труды еще не начались (да и какие это труды – переставлять чемоданчики по звонку, когда засовывать их в щель, когда – вытаскивать), а баба – появилась. Хорошая баба – крепкая, уступчивая. Тоже из лагеря привезли, тоже от крестьянки родилась, тоже под расстрелом ходит. Точнее: стоит, сидит да лежит – ходить то некуда. И незачем – все в этой комнате есть. Даже воздух – и тот чистый. А что окошка нет – не беда. Зачем окошко знающим жизнь людям, что они нового в нем увидят?

Понимающим ценность жизни и осознающим ее краткосрочность нужно не окно, а хотя бы один лишний день. Тем более, лишнего не бывает – только запасное. Так грозный дядька говорил, мужик эту фразу почему-то запомнил.

От Вильнюса до Москвы. Гамбургский счет.

Примечание

На стыке XIX – XX веков результаты схваток русских борцов "под куполом цирка" определялись заранее, но один раз в год силачи съезжались в Гамбург, запирались в каком-нибудь трактире и боролись "без дураков" и договоренностей. Отсюда и "гамбургский счёт" (одно из "научных" определений – *выявление реального, а не официального места индивида в статусной иерархии*)

Сам же фразеологизм придуман Виктором Шкловским.

Сути и смыслы, они же – эпитафьи

...нельзя помогать народу, не помогая режиму, как и нельзя причинить вред режиму, не причинив вреда народу.

Джордж КЕННАН, советолог, посол США в СССР (1954-63), секретарь посольства США в СССР (1934-37)

Война есть действие в опасности и неуверенности

Карл фон КЛАУЗЕВИЦ, классик военной теории и военной истории, в 1812 г. – подполковник Российской Императорской армии, начальник штаба (потом – обер-квартирмейстер) русского арьергарда, обладатель высшей российской военной награды – золотого оружия "За храбрость"

2-я ночь (с 23 на 24 июня 1941-го). Сумбур.

Два дня войны и предвоенный месяц. Особенности русских исторических оценок

Пятый час утра, совсем не нужная лампа уже не освещала – скорее привлекала внимание к лежащим на столе бумагам. Но не было смысла смотреть на эти сводки да донесения: он и так помнил, что за первый день на северо-западе и на юго-западе немцы прошли по два с половиной десятка километров и продолжают наступать – прут на прибалтийские столицы, обходят Львов.... Что пытались они взять с марша Либау, но порт пока в наших руках. На западном же направлении враг продвинулся аж на полсотни верст. Всем дан приказ "*драться до последнего*", приказ бессмысленный: это отходить можно только по приказу – чтоб драться, приказ не нужен.... А какой приказ войскам нужен, Сталин не знал. И не мог знать, потому что сколь либо внятной и достоверной информации у него не было – ни в бумагах, ни в памяти.

И уже третий час он, как полный идиот, сидел у обеденного стола на "ближней" даче и бубнил про себя то в первом

лице, то в третьем: «Где мой прокол? Ну где мой прокол? Прокол где? Прокол... Проколы. Масса проколов. Их должна быть масса. Их с миллион должно быть...

Он не верил в эту войну. «В эту дурацкую войну. Дурацкую... Дурацкую! Она не может быть для Гитлера успешной. Он не сможет ничего сделать... И он не может этого не понимать.» Поэтому долгое время плевал товарищ Сталин на все эти донесения разведки (за полгода их штук триста было, только в июне – шестьдесят), там вранье с правдой так перемешано, что его тошнило. Его и сейчас поташнивало, но не от донесений – от их отсутствия. Хотя и те, что лежали на его столе, вызывали рвотные позывы. Особенно это, суточной давности:

*"Германские регулярные войска в течение 22 июня вели бои с погранчастями СССР, имея незначительный успех на отдельных направлениях. Во второй половине дня, с подходом передовых частей полевых войск Красной Армии, **атаки немецких войск на преобладающем протяжении нашей границы отбиты с потерями для противника**".*

Здорово отбили, немцев много укокошили.... Только почему-то нет сейчас у границ наших "*передовых частей*". И немецких нет – давно ушли вглубь на десятки километров. Тыл там теперь, глубокий тыл.... Немецкий...

Вот и донесений нет, чушь есть. "*Чаша, ядом налитая*".»

Сталин повернулся к окну и нараспев, не обычным баритоном, а поставленным еще в семинарии высоким тенором,

прочитал или пропел по-грузински последнюю строфу своего старого, семинарских времен стихотворения:

*"Но очнулись, пошатнулись,
Переполнились испугом,
Чашу, ядом налитую,
приподняли над землей
И сказали: – Пей, проклятый,
неразбавленную участь,
не хотим небесной правды,
легче нам земная ложь.²"*

И продолжил уже на русском: «Нет, не стол с бумагами, не пища для анализа, даже не моя чаша с ядом – чужая блевотина на столе. На блюде.... Нет информации, потому нет смысла в рассуждениях, но все равно свербит: зачем? В чем его, Гитлера, цель? На что он надеется? Что рассыплемся как Франция? С чего бы?

Ну ладно, Наполеон попер в Россию. Но он же не по глупости попер! Не по полной глупости! Он думал, надеялся (по дури, конечно, надеялся), что не успеет пересечь границу, как к нему придут вереницы царских адъютантов с просьбой о мире. А следом и сам Александр. И плевать ему, Наполеону, на старые (за полгода до вторжения сказанные, при том Коленкуру, французскому послу) слова царя: мол, буду

---

² Написано в 1896 г. (Перевод Феликса ЧУЕВА. Важное уточнение: другие переводы этих строк выполнены без любви к автору. А, может, и к русскому языку как таковому.)

отступать до Камчатки, но врагу не сдамся³. Кто нас, русских, слушает, мы ж – Византия, говорим одно, думаем другое, делаем третье...

...Нас, русских, – ухмыльнулся Сталин. – Акцент убрать не можешь, а туда же – русский. Князь, дослужившийся до императора. Сын сапожника, ставший князем за умелые разбои. Грузинский поп-расстрига в короне Российской империи. С партбилетом в кармане.

Но – русский. Когда война, все мы – русские. Будь ты Багратион, будь ты Барклай, будь ты Берия, будь ты Мехлис.... И как в этой стране не переименовывай армию, она все равно останется русской. Кто вообще помнит ее название при последних самодержцах – "*Российская императорская*"? Сами цари и то постоянно путались – что в речах, что в приказах. Красная, русская, императорская – какая разница? С красным флагом сам Петр воевал, Пушкина читайте....

А ведь к Бонапарту все ж приехал царев слуга, – вернулся к прежней теме Сталин. – Известный Наполеону, Балашов, кажется, министр полиции⁴. Взмыленный, дерганный, в глазах страх, в руках письмо от хозяина, а в письме – просьба о мире. Но Наполеон ничего в ответ писать не стал, морду

---

³ Точная цитата: "*Если жребий оружия решит дело против меня, то я скорее отступлю на Камчатку, чем уступлю свои губернии и подпишу в своей столице договоры, которые являются только передышкой*".

⁴ Балашов к моменту наполеоновского нашествия уже два месяца как не занимал этого поста, но данный эпизод Сталин знал из книги ТАРЛЕ "*Наполеон Бонапарт*", где была допущена эта неточность.

воротил, цедил сквозь зубы всякие гадости про русских генералов, да про бардак в русской армии. Предложения царя отмел напрочь, но не потому, что хотел воевать – просто цену себе набивал. Желал, небось, чтоб сам царь к нему приехал: попросил, поунижался... Долго ждал, больше двух недель проторчал в Вильно и лишь, как понял, что ответа не будет, что никто с ним встречаться не будет, пошел... Пошел туда, куда идти не собирался. Ошибка... Но одна ошибка! Не может же Гитлер думать, что товарищ Сталин побежит к нему мириться?

А что, почему нет? Может, послать к нему нашего министра полиции – Берию? Или уважить – самого Молотова? А то и лично.... Но не нужен Гитлеру мир, ему другое нужно – ему страна нужна. Хрен ему, а не страна. Хрен. Он, скорее всего, сегодня Вильно возьмет, может, уже взял. Что ж, значит день в день повторит успех предшественника⁵.

Ну в чем же прокол? Ну не может же Гитлер быть таким дураком? Какие его шансы? Как он дойдет до Камчатки? Каким образом? И как он сохранит завоеванные земли? Что, оставит на каждом квадратном километре по человеку? Это ж сколько ему людей нужно? Двадцать два миллиона? Да хоть двадцать два миллиарда! Это ерунда. Это пустяк... Хоть одного, хоть тысячу оставляй – партизаны по одиночке уокошат.

---

⁵, Гитлер действительно взял Вильнюс в тот же день, что и Наполеон – 24 июня (для Сталина – "сегодня").

Партизаны... Надо создавать партизан. И надо напомнить, всем напомнить, о войне двенадцатого года напомнить. Не в двух словах, но коротко и ясно – пусть Тарле постарается. Месяца, я думаю, ему вполне хватит.⁶

Тысячу лет существует эта страна. И такая глупость... Глупость? Чья глупость? – Сталин вспомнил прошлогоднее донесение разведки о том, что один немецкий генерал подал докладную своему начальнику: мол, весь план по захвату Франции – чистой воды авантюра. – Три точки маршрута своих войск назвал: либо здесь его уничтожат, либо там, либо тут. А ему ответили – выполнять! Будто Пруткова читали: *"не спрашивай, какой редут, а иди туда, куда ведут"*. И он пошел. Правда, немцы поменяли маршрут – но на еще более авантюрный, горный, с другими "непроходимыми" точками. Сколько их там было – черт его знает, но ведь все прошел. И только у Атлантики остановился. По приказу, опять же.

Бок его звали, фон Бок. Тогда можно было не помнить фамилии немецких полководцев, но не теперь. Теперь этот Бок группой армий командует – против Павлова⁷. И, небось, уже не сомневается в правоте своих начальников.

Да что там сороковой год – чтоб немцев понять, тридцать шестого хватит. Когда Гитлер приказал ввести войска

---

⁶ Хватило.15 июля 41-го под редакцией академика ТАРЛЕ тиражом 10 000 экз. вышел сборник документов и материалов *"Отечественная война 1812 года"* объемом в 200 стр.

⁷ В начале войны – командующий Западным особым военным округом.

в Рейнскую область. В которой не должно быть ни одного немецкого солдата. Иначе – война, в точном соответствии с Версальским договором. Да и не война вовсе – карательная операция. Какая война может быть со страной, у которой вся армия – двести тысяч солдат с винтовками и пулеметами, без пушек, танков, самолетов, кораблей... Англо-французская карательная операция, или просто французская. На которую у Гитлера был предусмотрен один ответ – стремительное отступление за Рейн. Тогда же какой-то американец (щелкоперишка простой)⁸ раскопал фразу фюрера, сказанную своим военным накануне вторжения: *"Если Франция предпримет ответные действия в тот вечер, когда мы войдем в Рейнскую область, я покончу с собой, и вы сможете отдать приказ об отступлении"*. Но не пришлось ему стреляться, не пришлось его генералам тот приказ отдавать – никто из вчерашних победителей даже не дернулся. И где теперь все эти семьсот тысяч вооруженных до зубов французов? Знамо где – в Рейхе. Вместе с французским оружием и французскими соплями.

Или – тридцать восьмой, захват Чехословакии... Между прочим, не такая уж маленькая (для Гитлера, по крайней мере) страна. И оружия производила больше, чем любая мировая держава. А союзники – дай бог каждому. Опять же, помощи одной Франции достаточно, чтоб от вермахта следов не осталось. Немецкие генералы, кстати, это отлично по-

---

⁸ Американский журналист Вильям ШИРЕР

нимали, антигитлеровский переворот готовили⁹. Ходили такие слухи, даже наша разведка что-то такое слышала.. Но за день до даты переворота прибыл в Мюнхен полудурок Чемберлен¹⁰ и договорился о "мире". Это он нам хамил, а перед Гитлером готов был унижаться. Выпросил – сам не понял, что и на чью голову.

Чехословакия, правда, гарантии от союзников получила. Полные: мол, если согласитесь выполнять наши с Гитлером договоренности, мы вас в беде не оставим. Чехи согласились, а когда беда пришла – фашистский путч в Словакии – им объяснили: мы, мол, не эту беду в виду имели. Да и не беда это вовсе – просто страны вашей не стало. Мы гарантии Чехословакии давали, а вы теперь – Чехия. Буквально так. В итоге – ни Чехословакии, ни Чехии... Ни России...

...Ни России... Я что – свихнулся? Псих во главе великой державы.... И не в Горках при врачах – в Кунцево при охране. Возле всех рычагов управления (телефона, то бишь). На что хочешь нажимай, знать бы, на что. И на кого. Может, на себя? Вот тебе первое задание – заставь себя уснуть. Ты сколько, кстати, спал за последние двое суток?»

Последний раз полноценный сон был у Сталина в ночь на двадцать первое – то бишь, утром двадцать первого. А дальше...

---

⁹ Об этом после войны рассказал начальник штаба сухопутных войск (1938-1942) ГАЛЬДЕР – один из руководителей несостоявшегося переворота.

¹⁰ Нэвилл ЧЕМБЕРЛЕН, премьер-министр Британии в 1937-1940 г.г.

Он вспомнил, что в последний мирный день он вышел из кабинета в одиннадцать вечера, в начале двенадцатого приехал на дачу, быстро поел и ушел в спальню. Но заснуть не мог – постоянно вспоминал о том, что ему докладывали военные.

«По моей инициативе вызванные. Или, по инициативе Гитлера, если первопричину рассматривать. Пятнадцатого мая все началось, с его письма началось, хорошего письма, доверительного. Провокатор хренов.... Личным самолетом мне письмо доставил. Без предупреждения – пролетел этот аэроплан через всю нашу систему ПВО, сел в Москве как у себя дома... А потом и Штерн¹¹ сел – за этот перелет. Бездельник...

Но письмо мне понравилось, я даже порадовался, что не сбили мои недоумки немецкий самолетик. Текст предельно ясный¹²: мол, собираюсь напасть в двадцатых числах июня на Британию и накапливаю для этого войска. Рядом с вашими границами – чтобы противника обмануть. Внешнего (Англию) и внутреннего (*"некоторых генералов моей армии, особенно тех, у кого в Англии имеются знатные родственники, происходящие из одного древнего дворянского корня"*). И эти

---

¹¹ Григорий ШТЕРН, в январе-июне 41-го – начальник Главного управления ПВО Наркомата обороны СССР. Арестован 7 июня, расстрелян (без суда) 28 октября 41-го.

¹² Все нижеприведенные документы и события приводятся в книгах МАРТИ-РОСЯНА, других самостоятельных источниках этой информации я не обнаружил.

войска скоро уйдут: "Примерно 15–20 июня я планирую начать массированную переброску войск на запад с Вашей границы. При этом убедительнейше прошу Вас **не поддаваться ни на какие провокации**, которые могут иметь место со стороны моих забывших долг генералов. И само собой разумеется, постараться не **давать им никакого повода...**"

Какие поводы, зачем? Но всяко может быть: зашумят моторы, пойдет техника – и не факт, что на запад... В середине июня, говоришь? Спасибо за информацию, но мы в ответ свои западные дивизии переместим поближе к границе. На всякий случай.

И ведь переместили, должны были переместить – до пятнадцатого июня все директивы в приграничные округа ушли. В усиленные округа – всем этим ЗОВО, КОВО, ПрибВО, ОВО и ЛВО¹³ дали не только почти три десятка дивизий из округов внутренних, им еще и восемьсот тысяч человек на учебные сборы призвали. Все скрытно – чтоб повода не было.

А вот у нас повод появился: поняли мы, что врал в своем письме Гитлер – нет никакой переброски. Восемнадцатого июня поняли, когда наши У-2 облетели границу. Молотов два следующих дня просил личной встречи с Гитлером, безрезультатно просил....

И пришлось поверить в войну. Ну, в вероятность вой-

---

¹³ Соответственно Западный особый, Киевский особый, Прибалтийский особый, Одесский и Ленинградский военные округа

ны. Скорой войны. Пришлось приводить войска в повышенную боевую готовность, да и к донесениям разведчиков относиться повнимательней. Особенно к свежим, последним: в первую очередь к тому, что Воронцов¹⁴ мне семнадцатого отправил. Четко написал: нападение Германии произойдет двадцать второго июня в три тридцать утра. Дорого яичко ко Христову дню: раньше я плевал на всю подобную писанину, но тут прочел. С интересом прочел – и к письму, и к его автору – даже в Москву его вызвал.

И как раз двадцать первого с ним встретился – не с глазу на глаз, человек девять нас было. Не только "*заведующие*"¹⁵ с военными наркомками, я и Сафонова¹⁶ позвал – ведь должен был встать вопрос о всеобщей мобилизации. И встал этот вопрос, со всей остротой встал. Неофициально, конечно: "*мобилизация является порогом к войне; пересечешь его – и примешь на себя ответственность за агрессивную войну*". Прав Шапошников, и я прав, раз его с полным одобрением цитирую. Оба правы. И потому ни один умный человек теперь не может думать, что немцы нанесли по нам превентивный удар. Сказать может (если подлец, конечно), но думать – нет.

---

¹⁴ Воронцов Михаил Александрович (1900—1986), в 1939–41 г.г. – военно-морской атташе СССР в Германии, капитан первого ранга. В 1941–52 г.г. – начальник Разведуправления Главного штаба ВМФ.

¹⁵ так Сталин называл заместителей председателя Совета народных комиссаров СССР (Совнаркома, СНК), курировавших деятельность нескольких ведомств.

¹⁶ САФОНОВ И.А., в 41 г. – начальник мобилизационно-планового отдела Комитета Обороны при СНК СССР

В общем, где-то с часок поговорили, на полчаса пре-
рвались. И через эти полчаса Тимошенко с Жуковым при-
несли проект новой директивы.

Но я даже не стал брать ее за основу. Конечно, держал
ее в руках, когда диктовал свой текст, но использовал при
диктовке не суть директивы – стиль. Им, военным, виднее,
как давать команды, но что должно быть в командах – вид-
нее товарищу Сталину. Правда, подписывать документ сам
не стал, поручил собеседникам.

Но Бог с ней, директивой – она теперь история, а *история
принадлежит богу*. – Сталин ухмыльнулся – Что, страшно?
Бога вспоминаешь? А ведь в ту ночь не о боге думал – о
Гитлере, да его здравом смысле. О своем не думал – он же у
тебя есть. В самом деле, есть?»

В ночь на 22 Сталин заснул (задремал, точнее) часа в три.
А в четыре его разбудили – война.

«Сперва все было понятно – по крайней мере последова-
тельность собственных действий. Первым делом нужно бы-
ло понять обстановку. Спросить у Тимошенко: "*Не провока-
ция ли это немецких генералов?*". А услышав ответ нарко-
ма: "*Немцы бомбят наши города на Украине, в Белоруссии
и Прибалтике. Какая же это провокация?*" – все же попы-
таться остановить войну.

Он тогда сказал Тимошенко и Жукову: "*Если нужно орга-
низовать провокацию, то немецкие генералы бомбят и свои
города...*" И после короткой паузы прибавил: "*Гитлер навер-*

няка не знает об этом. Надо срочно позвонить в германское посольство".

Вячеслав все правильно понял – не о посольстве речь шла. По крайней мере, не в первую очередь. Был другой канал, в том письме указанный, начать надо было с него. Но молчал канал, зато посол на встречу напрашивался. И, получив аудиенцию, вручил Молотову ноту.»

Война...

«Война – так война, надо командовать. Двенадцать часов командовал. Кем командовал, чем командовал? От войск информации нет, до командующих не дозвониться, а дозволишься – они и сами ничего не знают. Повышенная боевая готовность это у них называется: сидеть в своих штабах на толстых задницах... Или тощих, какая разница – главное, чтоб круглосуточно. *Как крыса в сейфе.* Чиновники в зеленых мундирах, бумаги пишут, по телефону, если работает, говорят – этим и отчитываются. Имитаторы....

Плюнул, ушел в кремлевскую квартиру, думал, звонил, что-то писал. Может, даже и поспал, но – в кресле. В три часа ночи – двадцать третьего уже – вернулся в кабинет, три часа поруководил, опять домой, опять телефон, опять мысли, и опять кабинет. И так – до полвторого сегодняшней ночи.

«Слушай, дарагой (Сталин сознательно произнес "дорогой" совсем на грузинский манер, как торговец на базаре), а ведь ты за двое суток и пяти часов не спал. Истязаеть себя. Думаешь, зачтется?»

В России живем – тут любят оценивать "по-человечески". Наши интеллигенты не говорят: "выполнил работу" – это из лексикона бюрократов. В интеллигентском лексиконе другая фраза наличествует: "много работал". Как этого персонажа звали – Лоханкин? Васисуалий, кажется... Так вот, в России все лоханкины – до физики Краевича никто не дошел. Даже те, кто читал сей учебник, даже те, кто запомнил фразу: "*Работа есть совершённое полезное действие*". Запомнили – но не применяют. Не оценивают работу как нечто оконченное и полезное: главное – замыслы да помыслы. И пот с кровью. Плюс – сопли, да красивые фразы. "*Вам нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия*" .... Не убили – может, и забыли б, а убили – помнят. Не то помнят, что при правителе сем страна все дальше отдалялась от стран-конкурентов, а сами слова – "Великая Россия". Все – с большой буквы.

Даже странно, что не считают у нас Колумба придурком – поперся искать путь в северную Индию, а наткнулся – на Америку. Ничего не понял, назвал тамошних туземцев "индейцами", отбыл восвояси и доложил королю: мол выполнил я задание Вашего Величества. Нет, был бы он русским – был бы придурком, но он европеец, а за ними мы не видим ни грехов, ни огрехов.

За нашими, правда, тоже не видим – если потеют и говорят что-то красивое. Но это не про тебя: ты слишком кровавый и слишком свой. Ты не Петр – ему за "окно" да за макет Европы на чухонских болотах все простили. И то, что

народ на пятую часть сократился¹⁷, и то, что дворяне стали крепостными, и то, что крепостные окончательно стали рабами, и то, что бюрократы расплодились, как кролики, и то, что им губернии на кормление отдавали, и то, что большинство войн проигрывалось... Главное – слова. И – чтоб про Европу, да путь ее. И в нее...

Нет, тебя ждет судьба Ивана Васильевича. Не третьего – четвертого. Историкам (начиная с Карамзина, основоположника, так сказать) плевать на то, что при Грозном территория страны увеличилась почти вдвое: и не болотами приросла – Волгой, Уралом... Это, мол, не он, это – его современники. А он – это опричнина, казни лютые, пытки ужасные, глумления над завоеванными. Вот и про тебя тоже самое будут говорить: репрессии, ограбление всех и вся, ликвидация свобод и свободомыслия... Все припомнят – кроме хорошего (разве может быть у тебя – рябого, рыжего, сухорукого – хоть что-то хорошее?). Ну кто будет помнить, что ты еще в середине двадцатых говорил: будет война, войну нельзя выиграть без танков, самолетов, инфраструктуры, а, значит, без военной промышленности, которую нужно создавать практически с нуля, создав перед этим – опять с нуля – промышленность тяжелую. И кто будет помнить, что все это благо-

---

¹⁷ Эта цифра в те годы считалась минимальной оценкой сокращения населения при Петре (говорили и о 50%). Сейчас это суждение звучит не очень достоверно. Например, в 1977 году вышла книга Ярослава ВОДАРСКОГО "Население России в конце XVII – начале XVIII века", где на основе архивных данных сообщается: население России в Петровский период не сократилось – выросло на 39%.

даря тебе возникло (нет, то, что в результате грабежей и из-под палки – этого, конечно, не забудут). А вспомнят (напомнит же кто-то!), так скажут: мол, это не благодаря – вопреки. Или какой-нибудь будущий Милюков расскажет про тебя, как нынешний про Петра: дескать, действия твои были спонтанными, разрабатывались они коллективно, конечные цели реформ ты понимал лишь частично – в части, которую тебе тот самый коллектив захотел объяснить¹⁸. Точнее, смог объяснить – ты же не все был понять способен, инородец неотесанный. *Оська корявый*¹⁹...

Так что был бы не Сталин – все было бы и быстрее, и лучше, и без крови. Как в Европе. А то, что в Европе, когда в ней менялся традиционный уклад, кровь лилась не ручьями – реками, что с того? Время было другое, да и палачи были европейцами. А то, что Европа вся как один дружно легла под Гитлера – так это по случайности. Опять же, вследствие цивилизованности.

Но знай дарагой – о посмертной судьбе Грозного тебя сейчас можно только мечтать. Тебя не ненависть ждет – презрение. Ты, дарагой, на собственных глазах превращаешься в чеховского персонажа: "*Скажи, меня правда здесь все нена-*

---

¹⁸ МИЛЮКОВ Павел Николаевич (1859-1943), политик (лидер партии кадетов, министр иностранных дел во Временном правительстве) и историк. Автор книги "Очерки по истории русской культуры" (1910 г.), где помимо приведенных оценок деятельности Петра, сообщалось и о двадцати процентном сокращении населения России (см. пред. сноску).

¹⁹ Прозвище, полученное Сталиным в сибирской ссылке от тамошних крестьян

видят? – Да что ты, кто ж тебя ненавидит. Так, просто презирают."

Или – если повезет тебе, но не повезет твоему народу – полное забвение после полного уничтожения. Чтобы остаться в глазах "просвещенных" потомков ненавидимым (не презираемым, не забытым – ненавидимым), нужно в этой войне победить. Любой ценой. Ненависть тоже заслужить нужно. Победой. Лютой победой, лютыми методами. А какие еще могут быть, когда враг лютой?»

Сталина трясло. Он не был похож сам на себя – того, которого видели его соратники, нынешние и бывшее. С ними он сдерживал эмоции (*"слова мудрых, высказанные спокойно, выслушиваются лучше, нежели крик властелина между глупыми"*, – помнил Сталин Екклесиаста, не зря учился в духовной семинарии), терпел, зачастую соглашался на арест кого-либо из них через многие месяцы после принятия своего решения. Именно соглашался, он же должен быть добрым и доверчивым: царь все-таки – его в пролитии крови убеждать надо.

Вот, Рычагов, например, тридцатилетний командующий ВВС РККА, полностью обязанный Сталину беспримерным возвышением (четыре года дистанции от курсанта до замнаркома), посмел сказать ему – публично! – *"вы заставляете нас летать на гробах"*. Что ж, он всего лишь прекратил совещание, дважды сказав Рычагову *"Вы не должны были так сказать"*, его бешенства (бешенства – не недоволь-

ства) никто не заметил (наблюдательные могли бы понять по неправильно употребленному "сказать", но это – наблюдательные...). И позволил вчерашнему лейтенанту походить еще пару месяцев в генеральских петлицах: с должности, конечно, снял, но из армии не выгнал – просто направил в академию Генштаба.

Сталин вспомнил о скороспелом генерале и подумал: «Пора. Погулял, щенок...» Он не стал делать какие-то пометки в блокноте – подобные решения вождь не забывал. Сегодня же напомним о выскочке Лаврентию и даст (по его настоятельной просьбе, конечно) санкцию. А по какой категории²⁰. придется отвечать вчерашнему военлету – так это не вопрос сегодняшнего дня. Не до него сейчас.

Библиотека Сталина. Тухачевский, Пилсудский, Шапошников. Финская война.

«А до чего сейчас?» – Сталин окинул взглядом библиотеку и подумал: «Двадцать тысяч книг, все просмотрены, многие прочитаны, есть даже проштудированные, а толку? А был бы толк, если оживить их авторов? Клаузевица, напри-

---

²⁰ Т.н. "сталинские" (они же – "проскрипционные", они же – "расстрельные") списки делились на три категории: 1-я категория – расстрел, 2-я – 10 лет заключения, 3-я – 5–8 лет заключения. Павел Рычагов 28 октября 1941 года ответил **по первой**. Арестовали же его 24 июня (т.е. "сегодня").

мер?»).

Но взгляд председателя Совнаркома почему-то был обращен не на полки с томами классиков военного дела, а на отдельно стоящие книжки Троцкого, Бухарина, Радека, Каменева, Зиновьева... Для кого-то – "запрещенная литература", а для него – обычные "*единицы постоянного и временного хранения*".

Он стал вспоминать, как создавалось это книгохранилище (точнее, хранилища: книги были распределены по всем помещениям, где он мог находиться – от кремлевской квартиры до южных дач). Стоял май 25-го, он еще не был вождем и учителем, даже первым лицом государства не был. Тот же Каменев, председательствующий на всем, где можно было председательствовать, предварял его выступления одними и теми же словами: "*А сейчас о работе канцелярии Политбюро нам расскажет товарищ Сталин*". Крыса канцелярская – вот кем он был. Именно с той поры стал называть себя (в узком кругу, конечно, наедине с самим собой да при жене и детях) "*секретаршишкой*". "Чтобы вылезти из дерьма необходимо знать, что в дерьме находишься. Чтобы перестать быть дерьмом, нужно знать, что им являешься," – вспомнил он свои умозаключения тех лет. Посему и унижал сам себя куда хлеще, чем делали его "соратнички" – злее буду. И параллельно создавал "подъемные механизмы", они же – механизмы личной власти. И себя, "великого", заодно создавал:

«Вроде, получилось.» Вчерашняя канцелярия политбюро превратилась в ЦК (слово "аппарат" мало кто употреблял, вызвали в ЦК – понятно, что не на пленум), должность генерального (или просто первого – как сейчас) секретаря – в главную должность страны, а сам он – в вождя, учителя, "Ленина сегодня", друга всех и вся, великого, гениального и т.д., и т.п.

«Придурки, – помянул он ушедших в небытие соратников. – Не ленинская гвардия – тыловой обоз. А ведь предупреждал их Владимир Ильич: мол, как помру, вождя у вас не будет, неоткуда ему взяться. Сами посмотрите на моих ближайших сподвижников: Сталин – груб, Троцкий – не вполне марксист, Зиновьев с Каменевым – предавали раньше, предадут и потом, Бухарин не понимает диалектики, Пятаков – политики, про Молотова же вообще сказать нечего. Так что не выдумывайте нового вождя – живите по партийному уставу. Где нет вождей, а есть коллективное руководство. Вот и руководите коллективно: вместе вы – туда-сюда, а по отдельности – говно разной консистенции. Да, кстати: не забудьте Сталина с поста генсека снять, иначе он всех вас сожрет – не поперхнетя.... С помощью своего "говеного аппарата".... Впрочем, про аппарат он в другой бумаге сказал²¹. Но и здесь все вполне подробно объяснил, однако – не поняли. Потому

---

²¹ в записке Молотову: *"изучаются ли у нас в ЦК мнения отдельных групп партии, в частности, изучается ли мнение людей, которые не работают ни в каком учреждении нашего говеного аппарата?"*

что не хотели понимать. Потому что не хотели считать себя говном. Потому и не хотели, что им были....

Каждый из них считал себя равным Ленину: среди "старичков" исключений не найти – разве что Троцкий. Он ставил себя выше вождя, сам считал себя вождем, Ленин для него так – временная фигура и постоянный обидчик. Двести девятнадцать только письменных оскорблений, такая вот статистика. Знал ли ее соратничек, мне неизвестно, но слова-то не мог не запомнить, все эти "пустозвон", "свинья", "негодяй", "подлец из подлецов", "проститутка", ну и "иудушка", конечно, главное определение, классическое, можно сказать. Не из Библии Иуда – из русского романа, родной-родной нам Иудушка. В самом деле, похож: даже на ленинские похороны не приехал – не захотелось отпуск прерывать, устал, видите ли. Народ его речь ждет, а он в Крыму волосатое тело греет. И вместо него какой-то Сталин на трибуне что-то говорит – и все по существу. Теперь эту речь школьники учат: "Клятва Сталина", даже фильм такой сняли. А ведь могла быть "Клятва Троцкого". Не всякий оратор – политик. А вот наоборот....»

Сталин и сам был не в восторге от ленинского "Письма к съезду". Ему нравилась другая работа "позднего" Ильича – "Очередные задачи советской власти":

"Мы пойдем себе своей дорогой, стараясь как можно осторожнее и терпеливее испытывать и распознавать настоящих организаторов, людей с трезвым умом и с прак-

тической сметкой, людей, соединяющих преданность социализму с умением без шума (и вопреки суматохе и шуму) налаживать крепкую и дружную совместную работу большого количества людей в рамках советской организации. Только таких людей, после десятикратного испытания, надо, двигая их от простейших задач к труднейшим, выдвигать на ответственные посты руководителей народного труда, руководителей управления. Мы этому еще не научились. Мы этому научимся", – этот отрывок Сталин помнил наизусть. И вывод из него сделал очевидный, куда более точный, чем вывод Учителя. Тот наивно думал, что "...перделка старых, почти исключительно агитаторских навыков – дело весьма длительное. Но невозможного тут ничего нет..."

«Нет, из болтуна организатора не сделаешь. Одно исключение – Троцкий, но он сам себя сделал. Без помощи Ленина, без помощи партии. И еще вопрос, что в нем, Троцком, главное – организаторские способности на уровне выше среднего или высочайший, на уровне Мирабо, ораторский талант. Но это – мелочи, суть не в них. Организаторы – не ораторы! – вот, кто нужен стране. И их, организаторов, будут не только слушаться, но и слушать. Ловить каждое их слово, задумываться над каждым их словом. Не из под палки (хотя и палка не помешает) – ради здравого смысла. Всякому нужно знать, что собирается делать вождь, ибо делать это предстоит не только вождю. И не столько вождю.

Ораторский дар – вещь не лишняя, но все ж не необходимая. Хватит и простого умения внятно излагать свои мысли. И наличия этих мыслей.

А мыслей этих у молодого Сталина хватало, просто он иногда побаивался их высказывать. Ему самому было противно, когда какой-то партийный неуч говорил какую-то банальность (или просто чушь) на религиозные темы. Но это ему, вполне даже образованному богослову, было противно, а остальные головами кивали, словечки столь же глупые вставляли. И не потому, что дураки – просто неучи. Кто из них знал эти мудрые слова: *"Бывает нечто, о чем говорят: "смотри, вот это новое"; но это было уже в веках, бывших прежде нас."*²²

«Но подобная необразованность в партийной среде – вещь вполне извинительная, да и незаметная вовсе. Здесь можно спутать Ветхий Завет с Новым, Апокалипсис с Екклесиастом – да хоть Талмуд с Торой! – но попробуй спутать Канта с Шопенгауэром, Толстого с Достоевским, Моцарта с Бетховеном...

У них, соратничков, было время все это изучать. Сидели себе в европейских кафе, пили кофеек, жрали пирожные... Читали все, что попадется под руку (или что товарищи посоветуют), обсуждали, спорили... Он же Россию не покидал, банки да почтовые обозы грабил, на этот их кофеек зарабатывал. А его за это презирали – плевали, ублюдки, в ру-

---

²² "Книга Екклесиаста или проповедника" (1, 10)

ку дающего. И сейчас приедет в Россию иноземная знаменитость, напросится на прием и давай разглагольствовать: мол, *"за Вами десятки лет подпольной работы, Вам приходилось подпольно перевозить и оружие, и литературу, в Вашей биографии имеются моменты, так сказать, разбойных выступлений, Вы неоднократно подвергались риску и опасности, Вас преследовали. Вы участвовали в боях"*... И все это говорят лишь для того, чтобы задать вопрос: *"Вам пришлось быть за границей очень недолго. Считаете ли Вы это Вашим недостатком, считаете ли Вы, что больше пользы для революции приносили те, которые, находясь в заграничной эмиграции, имели возможность вплотную изучать Европу, но зато отрывались от непосредственного контакта с народом, или те из революционеров, которые работали здесь, знали настроение народа, но зато мало знали Европу?"*²³. В самом деле, кто лучше: оторвавшийся от русских корней образованный европеец или не покидавший Россию полуграмотный, но геройский бандит?

Читают Троцкого заграничные знаменитости, помнят небось, что *"Сталин, в качестве так называемого практика, без теоретического кругозора, без широких политических интересов и без знания иностранных языков, был неотделим от русской почвы"*²⁴. И спрашивают себя (а потом меня):

---

²³ Сталин цитирует слова Эмиля Людвига из интервью, данного им немецкому писателю и журналисту 13 декабря 1931 г.

²⁴ Л.В. Троцкий. История русской революции. Том 1. (1931 г.)

что это за почва такая, заменяющая теоретический кругозор да широкие политические интересы вместе с иностранными языками? Позволяющая победить тех, кто всем этим обладает? Это что – русские сказки? Или грузинские легенды? Соловей-разбойник в тигровой шкуре, сдобренный случайными цитатами из Маркса-Ленина?»

Он тогда нашелся, что ответить, но не только потому, что обладал природным умом – хватало и других источников. Первоисточников. Собираемых с 25-го в его собственной библиотеке:

«Не только у Ленина, но и у Троцкого, Зиновьева, Бухарина, Молотова, да что там Молотова – у Демьяна Бедного! – нечто подобное было. И посему никто бы не посмел обвинить "секретаришку" в нескромности.

(Все помнят тифлисский скандал начала двадцатых, окончившийся дракой Орджоникидзе с неким "старым грузинским большевиком". Тот обвинял Серго именно в нескромности: мол, партийный стаж у нас одинаковый, но ты разъезжаешь на казенной лошади, а я пешком хожу. И плевать, что ты какой-то пост занимаешь, а я сижу без дела. Где справедливость? Подробности скандала все забыли, но "*личная нескромность*", да "*партийное чванство*" к Серго приклеились на всю жизнь. Недолгую жизнь, к сожалению. К сожалению?)

В общем, приказал ты Ване Товстухе²⁵ создать библиоте-

---

²⁵ ТОВСТУХА Иван Павлович (1889-1935), в 20-е годы – заведующий личным

ку: все чин по чину – с должностью библиотекаря в секретариате. И на вопросы своего помощника ответил письменно:

"Записка библиотекарю. Мой совет (и просьба):

1) Склассифицировать книги не по авторам, а по вопросам:

- а) философия;*
- б) психология;*
- в) социология;*
- г) политэкономия;*
- д) финансы;*
- е) промышленность;*
- ж) сельское хозяйство;*
- з) кооперация;*
- и) русская история;*
- к) история других стран;*
- л) дипломатия;*
- м) внешняя и вн. торговля;*
- н) военное дело;*
- о) национальный вопрос;*
- п) съезды и конференции;*
- р) положение рабочих;*
- с) положение крестьян;*
- т) комсомол;*

секретариатом Сталина, с 1931 года – заведующий архивом Института Маркса-Энгельса-Ленина. Умер своей смертью, похоронен со всеми почестями, урна с прахом находится в Кремлевской стене

- у) история других революций в других странах;
- ф) о 1905 годе;
- х) о Февральской революции 1917г.;
- ц) о Октябрьской революции 1917 г.;
- ч) о Ленине и ленинизме;
- ш) история РКП(б) и Интернационала;
- щ) о дискуссиях в РКП (статьи, брошюры);
- щ1 профсоюзы;
- щ2 беллетристика;
- щ3 худ. критика;
- щ4 журналы политические;
- щ5 журналы естественно-научные;
- щ6 словари всякие;
- щ7 мемуары.

2) Из этой классификации изъять книги (расположить отдельно):

- а) Ленина,
- б) Маркса,
- в) Энгельса,
- г) Каутского,
- д) Плеханова,
- е) Троцкого,
- ж) Бухарина,
- з) Зиновьева,
- и) Каменева,
- к) Лафарга,

л) Люксембург,

м) Радека.

3) Все остальные классифицировать по авторам, отложив в сторону: учебники всякие, мелкие журналы, антирелигиозную макулатуру и т.п.

И. Сталин».

Минут двадцать-тридцать писал товарищ Сталин эту записку, хранятся в его архиве эти несколько листков из учебной тетради²⁶: есть шанс, что потомки будут знать – вождь-то у их предков был вполне даже образованным....

Именно потомки. Это в Англии современники Черчилля не поминают каждый день о том, что нет у него высшего образования. Школа средняя, да школа кавалерийская (полуторогодичная) – вот и все его "университеты". И не напоминают постоянно народу, что в средней школе он оставался на второй год, а в военную поступил с третьей, кажется, попытки. Притом сдавал экзамены в пехотную, а поступил в кавалерийскую (где был недобор и принимали всех – лишь бы на экзаменах не провалился). Не знаю, есть ли в Англии поговорка "чтение – вот лучшее учение", у нас то она есть, только никто ее не воспринимает как истину. Четыре слова в рифму – не более. А те же британские историки, хлеб которых в не малых количествах ел и ест господин Черчилль, хоть

---

²⁶ Записка сохранилась. Ее фотокопия была опубликована в журнале "Новая и новейшая история" профессором, д.и.н. Борисом Семеновичем ИЛИЗАРОВЫМ.

и ругают его, но в безграмотности не обвиняют. Максимум, что себе могут позволить, так это сказать: по уровню своих знаний вчерашний кавалерист – лишь *средний доктор наук*. И это в стране, где можно говорить все. Будь такое у нас – с дерьмом бы смешали. И его бы, Сталина, смешали, если бы он позволил. Но он не позволит. Говорить не позволит – думать не запретишь. А думают они именно так – что ученики дореволюционных приват-доцентов, что выпускники института красной профессуры. Что в Академии наук, что в Комакадемии (пока была). Это Россия: здесь интеллигенция размножается из всех и вся – из дворян и помещиков, из рабочих и крестьян, из коммунистов и монархистов, из сирых и убогих, в воле и в неволе...»

Сталин вспомнил книгу Черчилля про первую мировую войну²⁷. Ее в сокращенном виде перевели и издали пятидесяти тысячным тиражом: для всех – не только для высших советских руководителей. Хотя вряд ли кто-то из членов политбюро, совнаркома, секретарей и зав.отделами ЦК ее читал.

А он прочел, прочел внимательно, с удовольствием даже. Ему как-то рассказали, что Конан Дойл считал Черчилля лучшим стилистом среди современных писателей. «Может быть, – подумал тогда Сталин. – И не просто стилист – еще и умница. Кто бы еще так внятно и здраво смог подвести черту под Гражданской войной:

"Нельзя сказать, что русские националисты погибли от

---

²⁷ "Мировой кризис"

недостатка оружия. Не недостаток в материальных средствах, а отсутствие духа товарищества, силы воли и стойкости привело их к поражению. Храбрость и преданность делу горели в отдельных личностях; в жестокости никогда не было недостатка, но тех качеств, какие дают возможность десяткам тысяч людей, соединившись воедино, действовать для достижения одной общей цели, совершенно не было среди этих обломков царской империи. Железные отряды, действующие при Морстон-Муре, гренадеры, сопровождавшие Наполеона в его походе ста дней, краснорубашечники Гарибальди и чернорубашечники Муссолини были проникнуты совершенно различными моральными и умственными устремлениями... Но все они горели огнем. У русских же мы видим одни только искры."

«А как он о нас, тех "нерусских", что взяли власть в Октябре семнадцатого: "собрание крокодилов с образцовыми интеллектами". Если бы кто из соотечественников назвал большевистское руководство "крокодилами", он бы не преминул добавить: "с интеллектами, размером со спичечный коробок". При этом встал бы навтыяжку, тряхнул головой, глаза бы закатил: "вот как я их". Интеллигент, что с него взять...

А ведь у меня по меркам Российской Империи было вполне приличное образование.» Два курса семинарии давали возможность их обладателям, что пожелают служить в армии, прийти на сборный пункт, не дожидаясь призыва, и

стать вольноопределяющимися первого разряда – то есть теми, кому через девять месяцев военной службы присваивается офицерское звание. «Выше разряда не было: инженеры, врачи, философы – все в нем. Смешной критерий, но за отсутствием другого...

Сейчас, конечно, другие ориентиры. Он имел о них представление, как то спросил у одного молодого наркома: сколько предметов вы изучали в вузе? Тот сразу не ответил, что-то мычал про какой-то вкладыш, но к вечеру отзвонился: мол, около пятидесяти, товарищ Сталин.

Один предмет – один учебник. А сколько у него этих учебников, то есть монографий, в библиотеке? Процентом двадцать от общего количества книг? То есть четыре тысячи? Ну ладно, не все прочитано, многими книгами я пользовался лишь как справочниками, но хотя бы каждый десятый учебник изучен? Четыреста книг? Поделим на пятьдесят – восемь получится. Восемь высших образований – как минимум.

Есть чем гордиться», – Сталин постепенно успокаивался.

Ежедневно на чтение он отводил по 2-3 часа. Он лукавил, говоря "*моя дневная норма – страниц 500*", хотя мог читать со скоростью 3-4 страницы в минуту. Но не монографии или сборники научных статей – их он читал медленно, вдумчиво, делая пометки, загибая страницы.

«Интересно, – подумал вождь, – а высшее военное у меня есть?» В конце двадцатых он перечел уйму дореволюци-

онных книг о войнах древних ассирийцев, греков и римлян, затем стал читать о войнах более современных. И советских авторов тоже читал, в том числе для принятия "решений".

«По Тухачевскому, например. Нет, то, что Тухачевский враг, было понятно и без книг. Креатура Троцкого, но не верный сторонник "Иудушки" – совсем даже отдельный "объект разработки".

Если бы Тухачевский осуществил свой переворот, он бы не стал приглашать бывшего покровителя возглавить страну: мол, берите бразды, друг и благодетель... Он бы решил "вопрос Троцкого" вполне по-сталински, но все же с учетом своих предпочтений: не ледорубом – десятитонной бомбой. Создал бы нечто, не имеющее аналогов в мировой истории, какую-нибудь дивизию агентурно-активной разведки, каждому бойцу выдал бы по иностранному паспорту да по килограмму тротила – и гори все синим пламенем. Или красным. Любил размах сволочь, очень любил.»

Нет, то что Тухачевского – вместе с ближайшими соратниками – нужно изолировать, вопросов у Сталина не вызывало. Вопрос был в другом – он может понадобиться или без него можно обойтись? Если завтра война? Как в песне...

"И на вражьей земле мы врага разгромим малой кровью могучим ударом" – зазвучал в голове вождя лихой напев: «И удар не могуч, и земля не вражья, и кровь не малая. И не пошлешь в войска легендарного полководца. Чтоб принял командование, чтоб повел армию на "вражью землю", чтоб

"разгромил"...

Некого послать. Или почти некого. Жукова, разве что.» Он и послал его вчера к Кирпоносу, на главное направление немецкого удара, а к Павлову²⁸ отправил Кулика: так, на всякий случай. Правда, с Куликом он послал в Белоруссию и Шапошникова, но ненадолго: «Шапошников нужен здесь.»

Сталин посмотрел на лежащие на его столе донесения... «Зачем? Зачем мне эти бумажки? И мало их, и информация непонятно откуда, да и вообще...»

Он вспомнил слова Пилсудского: *"донесения пишутся для начальства, они всегда имеют цель не только отчитаться в чем-либо, но и подспудно склонить начальника к тем или иным мыслям, к тем или иным решениям в отношении пишущего это донесение"*.

«Умница. Такого врага я бы не бы расстрелял. Такого беречь нужно – для войны. Для победы. И до победы. Держать в своем обозе – как Кир Креза.»

Сталин не случайно помянул польского диктатора. Он внимательно прочел его книгу²⁹, изданную в СССР в середине двадцатых, так сказать, для широких слоев населения. И перечел в 37-м, когда готовил "решение".

«Удивительное дело, у Пилсудского не было ни военного

---

²⁸ Генерал-полковник КИРПОНОС командовал Киевским особым военным округом, а генерал армии ПАВЛОВ – Западным особым, то есть Белорусским.

²⁹ Ю. ПИЛСУДСКИЙ ВОЙНА 1920 ГОДА По поводу книги М.Тухачевского „Поход за Вислу“. Издана в СССР в 1925 году.

образования, ни полководческого опыта (да что там полководческого – боевого не было), но ведь победил! Ту самую, которая "всех сильнее". А потом еще вдоволь поиздевался над проигравшим Тухачевским, который даже после разгрома хорохорился, молодцом себя считал. Интересно, это по его инициативе (не только Буденного?) песня появилась, в которой *"помнят псы-атаманы, помнят польские паны конармейские наши клинки"*? Псы-атаманы – бог с ними, может и помнят на том свете, а вот паны (там же) вспоминают не клинки – задницы бегущих конармейцев. И лагеря, где их – всех, до единого – уморили голодом. Панам это отлилось, санкцию на расстрел польских офицеров он дал больше года назад. Слава богу, не всех: наиболее заметных, сидевших во внутренней тюрьме Лубянки, вообще не расстреливали. И не будут расстреливать – нужно же кого-то предъявить новым союзникам. Тому же Черчиллю. Ситуация...»

Сталин вновь бросил взгляд на полку, где стоял томик Пилсудского, и стал вспоминать слова покойного "председателя Польши".

«Сделал поляк из Тухачевского котлету, дважды сделал. Сперва в бою, затем – в книжке. Почерк мастера: минимум обидных слов, никакой ненависти – только презрение. Чеховское....

Все оскорбительное – пара фраз с общей оценкой брошюрки: *"книга, полная исторической фальши"*, *"кто-то грязными руками публицистики прикоснулся к великому и*

чистому делу военной истории". Ну там еще "играл словами без содержания". А в остальном – что-то вроде беспристрастного обвинительного заключения:

"отсутствие в лекциях обобщенного анализа его деятельности в качестве главнокомандующего";

"доктринерская слепота автора";

"чрезмерная абстрактность книги";

"абстрактность стратегического мышления";

"управление армией как раз таким абстрактным способом";

"неумение увязывать свои мысли с повседневной жизнедеятельностью войск";

"публицистический метод расчетов";

"ошибка в расчетах, произведенных без учета второго хозяина войны, каковым является военачальник противной стороны";

"отсутствие стремления решить проблему борьбы с пространством, которое он не мог, не был в состоянии заполнить войсками".

И итоговый вывод: ***"упорное топтание мыслями*** вокруг подобных проблем у полководцев почти всегда неизбежно ***ведет тоже к топтанию, но уже ногами солдат***, неутоптанной земли полей сражений с огромными затратами времени и сил".

Зачем нашей стране Тухачевский? Топтаться мы и без него можем. А также бежать "быстрее лани". Эксперт выска-

зался, начальство согласилось, решение принято.

А ведь дал сей эксперт и другое заключение. В отношении Сергеева, комдива Сергеева. Его книгу³⁰ на ту же тему Пилсудский назвал "*жемчужиной*", "*выдающимся произведением*". Что ж ты его "по первой категории"? Он ведь не чета Тухачевскому: не вшивое юнкерское училище – Императорскую Николаевскую³¹ окончил; не пару месяцев в Русской армии воевал, а все три года империалистической; к нам не подпоручиком – подполковником пришел. Это ж не твой враг: ты ж не Троцкий, ты ж не плацдарм для мировой революции строишь – великую державу. Царским подполковникам такая задача очень даже нравится. А те из них, кто умен, все это понимают без твоих слов, потому как способны догадаться, почему ты старую задачу не снимаешь. Сергеев же при царе не в пехоте – в разведке служил. И не в полковой: в дивизионной – с мозгами, стало быть, все в порядке. Опять же, книгу хорошую написал, в академии Фрунзе оперативное искусство преподавал, а ты его – к стенке. Смог бы он сейчас помочь? Вместо Кулика?

Может, и смог бы. Командовал бы чем-то, может, и уцелел бы. Как этот, как его, Рокоссовский, кажется. Но Евгений преподавал, значит, мог агитировать. И не в среде простых

---

³⁰ Евгений СЕРГЕЕВ. "От Двины до Вислы". Автор расстрелян в 1937 г. по обвинению в участии в антисоветском заговоре

³¹ Императорская Николаевская военная академия – название главного военного учебного заведения Российской Империи, в просторечии именуемого академией Генерального штаба.

курсантов – в среде высшего комсостава; каждый год – новый сбор, так он мог все "сливки" РККА не на то настроить. Посему смотрел ты на его фамилию в списке без особого внимания – преподавателем больше, преподавателем меньше...

А вот Тухачевским ты занимался куда дотошней. Да, он нигде не учился, да, нес с трибун все, что в голову придет, никоим образом не озадачивая своих "моментов"³² необходимыми расчетами. Что ж, есть у человека такая проблема, снял ты его с Генштаба после завирально-разорительного призыва дать армии пятьдесят тысяч танков к следующему, двадцать восьмому году (и сейчас во всех армиях мира их в несколько раз меньше): но ведь много лет прошло – мог и поумнеть. Поэтому взял ты его более-менее свежие труды (набралось с десятков брошюрок страниц по двадцать пять-тридцать – вот и все "теоретическое наследие"), положил рядом трехтомник Шапошникова "Мозг армии" и стал сравнивать.

Сравнивать было нечего. Ура-ура, рабочий класс всегда за нас, крепить оборону и прочее "взвейся-развейся". Нет, это не цитаты от Тухачевского, ты ничего не запомнил из его трудов, разве что вспомнил слова Пилсудского про "*доктринерскую слепоту*". И не увидел ты там ни одной ссылки на труды других военных теоретиков, классиков, в том числе. Такие книжки можно читать с той скоростью, что ты озвучи-

---

³² Так с незапамятных времен звали в России сотрудников генерального штаба – как бы ни назывался последний, и как бы ни называлась страна.

вал своим подчиненным – сто страниц в час, двести. Правда, не пройдет и десяти минут, как появится вопрос: ты что-нибудь новое узнал? У Шапошникова все по другому: исторический анализ, каждая мысль автора вытекает из мыслей предшественников – быстро не прочтешь. Потому непонятно, по какой категории провести "Мозг армии": по военной истории, или по военной теории? Это с категорией Тухачевского все понятно – "первая" и никакая другая.

Надо возвращать Шапошникова. Слава богу, не из лагеря: снят он с поста начальника Генштаба по "внешнеполитическим", назовем их так, соображениям».

Он поссорился с Шапошниковым накануне Финской войны. Сталину она казалась легкой, чем-то вроде маневров, и когда Шапошников представил свой план, где предполагалось забрать со всех округов авиацию, танки, артиллерию, саперов – да все практически, пехоту разве что чуть-чуть им оставить – разместить все это под Ленинградом и тогда уже двинуть на Финляндию, вождь не смог скрыть своего раздражения. В итоге план было поручено составить командующему округом Мерецкову, он же и возглавил наш "контрудар". Весь декабрь Красная армия пыталась прорвать линию Маннергейма, но даже не смогла дойти до основных укреплений – лишь зону заграждений прошла. В итоге пришлось создавать отдельный фронт, ставить во главе этого фронта Тимошенко, а все планирование опять поручить Борису Михайловичу. Единственному человеку из постоянного окружения,

которого Сталин звал по имени-отчеству.

«Заслужил. Был во всем прав: там, где территория не была прикрыта линией Маннергейма, местность была практически непригодна для наступления – сплошные озера, болота, да чащобы. Рай для обороняющихся и ад для нападающих. А к линии войска было можно доставить только своим ходом, до границы хоть вела одна железнодорожная ветка, но – до границы. А дальше – иди сотню-другую верст (а то и третью) по снегу, тащи на своем горбу вооружение-снаряжение, танки из сугробов вытаскивай. И все это под присмотром финской разведки: сидят бойцы и все, что видят, сообщают своим по рации. А у этих своих, финнов, то бишь, проблем с переброской войск нет – с той стороны дорог не счесть.

На целый месяц было приостановлено наше наступление, ждали плана от Бориса Михайловича. Как дождались, так все и окончилось: через две недели и линию прорвали, и по льду залива вышли на нормальную местность – дело сделано. У финнов ни танков, ни авиации, все пушки далеко – можно всю их территорию включать в специально созданную в преддверии "контрудара" Карело-Финскую Союзную Социалистическую Республику.

Но товарищ Сталин не стал этого делать. Не потому, что боялся войны с Англией и Францией – что их, болтунов, бояться? Он просто понял: пока на финской территории жив хотя бы один финн, этот финн будет сопротивляться захватчикам. Все как один: власть и оппозиция, буржуи и пролета-

рии, женщины и дети, кулаки и батраки, даже интеллигенты (если есть у них такие) – все готовы и воевать, и обеспечивать воюющих всем, чем только можно. Добрым словом, в том числе. Не Прибалтика – там при первом нашем намеке как-то сразу замолчали, а если и говорили, то в поддержку вхождения в СССР. И вошли туда войска, как по маслу.... То же, вроде бы, чухонь, но другая. Куусинен не смог найти для своего (то есть нашего, конечно) правительства ни одного жителя Финляндии, лишь этнических финнов по всем сусекам подсобрал, а все эти эстонские, литовские и латышские политиканы либо кинулись за границу, либо голосовали за ликвидацию своих государств. Вот и не стало: ни государств, ни политиков – одних уж нет, а те далече... А Финляндия осталась – уж больно невыгодно на подобных территориях свои порядки устанавливать. Решать же вопрос немецкими методами нельзя: меня и так все время сравнивают с Гитлером, и давать такой повод, да что там повод – обоснование...

Знай я эти особенности финнов раньше, все бы было по-другому. Про поляков, например, я знал многое, и когда Риббентроп предложил включить в советскую часть Польши Варшаву с прилегающими окрестностями, отказался. В августе тридцать девятого согласился, а в сентябре, уже в ходе польского похода, отказался. И честно объяснил немцам причины отказа: мол, создавай Польскую социалистическую республику, не создавай, союзная она будет или автономная – гордые поляки все равно начнут бунтовать за свою полную

незалежность. Территории, заселенные украинцами и белорусами, примем, а от заселенных поляками земель увольте. "Зачем нам ... области, густо населенные поляками!?", – еще Дурново³³ спрашивал, "и с русскими поляками нам не так легко управляться". Не легко, Ваше превосходительство – невозможно. Там ни русские, ни советские методы не годятся, там нужно нечто более масштабное – немецкое, то бишь. Правда, генерал и про Галицию то же самое говорил: мол, "нам явно невыгодно, **во имя идеи национально-го сентиментализма**, присоединять к нашему отечеству область, потерявшую с ним всякую живую связь", но взяли мы эту территорию не сантиментов ради – чтоб границу на запад отодвинуть.

Пришлось и с Финляндией этой задачей ограничиться. Претендовали на всю страну, а в итоге предъявили финнам скромные предвоенные требования: вы нам – территории возле Питера, а мы – свои территории, в два раза большей площади. Положительный, конечно, результат, границу от Ленинграда отодвинули на сотню километров, но в остальном – национальный позор. Тот же Черчилль заявил: мол, Финляндия "открыла всему миру слабость Красной Армии". А уж Троцкий так просто прыгал на наших косточках: "Юбилейные парады на Красной площади – одно,

---

³³ ДУРНОВО Петр Николаевич (1845-1915), действительный тайный советник, автор "Записки Дурново" (февраль 14-го), где был дан фактически сбывшийся прогноз последствий войны с Германией.

война – совсем другое. Предполагавшаяся "военная прогулка" в Финляндию превратилась в беспощадную проверку всех сторон тоталитарного режима. Она обнаружила несостоятельность общего руководства и непригодность высшего командного состава, подобранного по признаку покорности, а не таланта и знания. Война обнаружила сверх того, крайнюю несогласованность разных сторон советского хозяйства, в частности жалкое состояние транспорта и разных видов военного снабжения, особенно продовольственного и вещевого. Кремль строил не без успеха танки и аэропланы, но пренебрег санитарной службой, рукавицами, зимней обувью. О живом человеке, который стоит за всеми машинами, бюрократия попросту забыла." Лишь Гитлер промолчал, мы думали, что из вежливости, а оказалось....

Пришлось как-то изворачиваться перед "мировым общественным мнением". Сперва убрать Ворошилова с поста наркома (ему там и в самом деле не место), потом назначить на его пост "победителя" Тимошенко, а затем решать с Шапошниковым. В общем-то, товарищ Сталин перед ним извинился, не словами, конечно, действием – присвоил ему в мае сорокового маршальское звание. А в августе вызвал к себе и с полным уважением (ну сама любезность), произнес под конец встречи: мол, Ворошилова мы переместили, но "*нарком и начальник Генштаба трудятся сообща и вместе руководят Вооруженными Силами. Относительно Финляндии вы оказались правы: обстоятельства сложились так, как*

предполагали вы. Но это знаем только мы... Нас не поймут, если мы при перемещении ограничимся одним народным коммиссаром. Кроме того, мир должен был знать, что уроки конфликта с Финляндией полностью учтены. Это важно для того, чтобы произвести на наших врагов должное впечатление и охладить горячие головы империалистов. Официальная перестановка в руководстве как раз и преследует эту цель." И спросил: "А каково ваше мнение?"

Риторический вопрос и очевидный ответ (для умного человека очевидный): "готов служить на любом посту"³⁴. Пост ему, конечно, сразу нашли, статус замнаркома сохранили, строил он почти год разные оборонительные сооружения да укрепрайоны – пора к настоящему делу возвращаться. Мерецков на посту начальника Генштаба не смотрелся (да и на воле не смотрится, потому и арестован вчера), а Жуков нужен в войсках. Собственно, только его и можно посылать на провальные участки, остальные либо не еще созрели, либо...»

Война гражданская и подготовка к войне отечественной. Кулик и Ванников

В памяти Сталина всплыли лица его соратников по Гражданской, ближайших соратников – Буденного, Ворошило-

---

³⁴ об этом разговоре Шапошников рассказал Василевскому, а тот привел его в своих мемуарах.

ва, Кулика.... Счастливое лицо молодой жены сорокалетнего члена Совнаркома, направленного в восемнадцатом продовольственным комиссаром в Царицын, и заросшая щетиной недовольная физиономия ее мужа:

«Кругом бардак, предательство, глупость. А у него нет прав вмешиваться в действия военных, есть полномочия, пусть и "чрезвычайные", но – не в военных вопросах. Что ему – спокойно смотреть на всех этих "спящих" военных специалистов? "*Сапожники*", – так он называл их в письмах Ленину, "*посторонние люди*", "*могут только чертить чертежи и давать планы*".

"*Смотреть на это равнодушно считаю себя не вправе*", буду "*сместать*", "*ломать*", "*отсутствие бумажки от Троцкого меня не остановит*" – резюмировал он свою позицию. И смещал, ломал, а также расстреливал, топил – не по одиночке, целыми баржами. Но сейчас не про баржи и даже не про восемнадцатый год – про январь девятнадцатого. Краснов тогда прорвал фронт (не мой фронт, соседний) и шел к неприкрытому городу, торжественно шел, победоносно, строил маршевые колонны возле Дубовки и собирался в парадном строю войти в Царицын. В сталинском салон-вагоне вызванные им военспецы говорили только об эвакуации, да оперативном отступлении – неучи. Никто даже не понял смысл его вопроса – "*Сколько пушек в районе Дубовки?*" Ни тугодумный Кулик, начальник артиллерии, ни бывшие генералы с полковниками.... Даже когда он приказал собрать всю

артиллерию с фронта (сто орудий набралось), сосредоточить ее в той самой Дубовке и "*ударить артиллерией по этим глупым головам*", никто не оценил его замысла. Даже Думенко³⁵, дивизии которого он поручил "*завершить разгром*", и тот в ночь накануне боя заболеть соизволил. Ничего, Буденный его дивизию возглавил и вполне прилично справился, *завершил*. Да и Кулик все обеспечил – *опрокинул* противника. Был бы замысел, был бы стратег во главе – исполнители найдутся.»

Сталин вспомнил доносы на Тухачевского – дескать, говорит маршал, что польская кампания проиграна из-за Сталина с Ворошиловым: «Мол, не выполнили они указания главкома (Каменева³⁶, то бишь, а на самом деле – Троцкого), не послали на подмогу Буденного: дескать, если Рыдз-Смиглы³⁷ успел домчаться от Львова до Варшавы за десять дней, значит, и наша конница бы успела....»

Это кем надо быть, чтобы сравнить марш-бросок по своей территории с наступательной операцией на территории чу-

---

³⁵ ДУМЕНКО Борис Мокеевич (1888-1920), расстрелян (общепринятая версия – по инициативе Тухачевского и Троцкого) за "*юдофобскую и антисоветскую политику*"

³⁶ КАМЕНЕВ Сергей Сергеевич (1881-1936), царский полковник, с 8 июля 1919 по апрель 1924 г. – главнокомандующий вооружёнными силами Республики. Скончался от сердечного приступа. Урна с прахом Каменева с воинскими почестями была захоронена в Кремлевской стене, где хранилась до 1939 г., когда он "посмертно" был обвинён в участии в "*военно-фашистском заговоре*".

³⁷ в 1920 г. – командующий стоящей возле Львова 3-й польской армии, в 1939 г. – верховный главнокомандующий Польши

жой? Когда нужно обходить каждый населенный пункт, каждую рощицу, все время посылать впереди себя разведку и ждать ее возвращения, тащить за собой здоровенный обоз... И как такой приказ дать именно Буденному: он, конечно, звезд с неба не хватает, но и дураком не является, ту самую Дубовку помнит в деталях (первый "генеральский" опыт, как забыть) и оказаться в роли Краснова совсем не хочет. Как и в роли Тухачевского.

Кулик, конечно, поглупее Буденного будет. Но и пополезней – одно удовольствие использовать его в темную. Поговоришь с ним, намекнешь о чем-то, он это подхватит, разовьет – тут и бери быка за рога, делай вид, что согласен с "его" мнением...»

Прошлой зимой Сталин принял решение о модернизации артиллерии. Полевой, танковой – всякой. Война, если и начнется, то не раньше сорок второго, а к тому времени у немцев будут другие танки, не хуже наших. Это сейчас КВ да Т-34 должны пробивать лобовую броню их танков с полутора километров, оставаясь в полной безопасности, пока дистанция не сократится метров до пятисот³⁸... Долго это продлиться не может, полагал Сталин и решил усилить танковое (да и противотанковое) вооружение.

---

³⁸ На самом деле, корпусная немецкая пушка К-18 поражала наши Т-34 и КВ с расстояния около километра. Этими орудиями был оснащен каждый немецкий полк, также в немецких частях были и вполне пригодные для борьбы с советскими танками 50-мм ПАК-38 и 88-мм зенитные пушки с возможностью стрельбы по наземным целям (ИСАЕВ).

«Но инициатором этой кампании ему быть не следовало, да и аргументы должны быть другими – поглупее, что ли. Нельзя было раздражать Гитлера, приковывать его внимание к советской программе перевооружения, толкать его на невыгодные нашей стране шаги – от попытки создать "сверхтанки" (а что, хороших инженеров в Германии – а также в Чехии, Франции, Австрии, Бельгии, Голландии – хватало, могли бы и справиться с этой задачей), до превентивного удара по СССР. Гитлера советские действия должны были не настораживать – забавлять. А кто у нас самый забавный?

Так что выбор Кулика в качестве инициатора программы модернизации артиллерии был предопределен. Вызвал я его к себе, намекнул ему о каких-то данных разведки: дескать, немецкая армия в ускоренном темпе перевооружается танками со ста миллиметровыми пушками, с броней увеличенной толщины и повышенного качества – что первым в голову пришло, то и сказал. В общем, воодушевил маршала...

И воодушевленный Кулик все это пересказывал другим, говорил с умным видом, что против таких немецких танков вся наша артиллерия калибров сорока пяти – семидесяти шести миллиметров будет неэффективной. И предложил (от себя, конечно) снять "устаревшие" пушки с производства и начать выпуск ста семи миллиметровых, в танковом варианте в первую очередь. А когда ему стали возражать – данные разведки были у всех (в части касающейся, конечно) – стал ссылаться на Сталина. Но ему, конечно, не все верили, мол,

Сталин тут не причем. Особо активным в этом споре был Ванников.³⁹

Имел право спорить, он – нарком, а Кулик – всего лишь замнаркома. Посему Ванников мог себе позволить публично сомневаться в истинности сведений начальника главного артиллерийского управления РККА о том, что немцы смогли обеспечить *"такой большой скачок в усилении танковой техники"*.

Умный, конечно.... Только почему не учел, что Кулик ничего от себя в принципе говорить не может? Хотя, глупость нести каждый способен, может, потому и принял он эту глупость за инициативу самого маршала», – Сталин слегка повел плечами и стал вспоминать, как мешал ему нарком в реализации намеченного.

Пришлось его вызвать в начале 41-го, показать докладную записку Кулика (тот за любое дело брался с бульдожьей хваткой, да и писучий был, за что и держали), внимательно (для вида) выслушать его возражения и, опять же для вида, создать комиссию во главе с Ждановым – тот как раз в его кабинет вошел. Мол, *"ты у нас главный артиллерист, вот и возглавь комиссию"*. Жданов тогда еще сказал: *"Ванников всегда всему сопротивляется, это стиль его работы"*. А сам Сталин в конце разговора бросил: *"107-миллиметровая пушка – хорошая пушка..."*

---

³⁹ Ванников Борис Львович (1897-1962), с января 1939 г. по июнь 1941 г. – нарком вооружения

«Жданов все правильно организовал, на его комиссии говорили только военные: сам Кулик и те, кого он с собой приводил – Ванникова сотоварищи просто затыкали рот. Но он все равно продолжал упорствовать, тот же Жданов на него постоянно жаловался.

Опять пришлось Ванникова к себе на ковер вызывать, но он и там сопротивлялся, замолчал лишь тогда, когда ему было показано постановление Совнаркома. Хоть здесь хватило ума остановиться, понять, что решение окончательное.

Попил моей кровушки... И я сорвался – посадил по первому же поводу. Две недели назад...»

Сталин улыбнулся – «уж больно повод был смешной, анекдотический даже. Вызвали Ванникова на коллегию Наркомата госконтроля: не по его вопросу – по вопросу наркомата боеприпасов. Однако и к его – смежному – ведомству претензии были. Мехлис⁴⁰ ему их предъявляет, а тот сидит себе такой довольный, улыбается. И говорит своему соседу⁴¹ (шепчет, конечно, но довольно громко – председательствующему слышно): мол, *"имей в виду, Ваня: еврей еврею, как и ворон ворону, глаз не выключает"*. А Мехлис – он не просто еврей, он – свой еврей (а, может, и в самом деле "интернационалист", потому и не поменял фамилию): позвонил товарищу Сталин и повез собеседников к нему, на Новую пло-

---

⁴⁰ МЕХЛИС Лев Захарович (1889-1953), до июня 1941 г. – нарком Госконтроля

⁴¹ Ивану Владимировичу КОВАЛЕВУ (1901-93), тогда – замнаркому Госконтроля (именно он рассказал эту историю КУМАНЕВУ)

щадь.»

В сталинском кабинете нарком уже не хорохорился: де, спасибо Госконтролю, наркомат, мол, примет немедленные меры.... Сталин его прервал и потребовал повторить "шуточку". Тот повторил, а вождь в ответ спокойно так: *"Сейчас, когда советскому народу угрожает величайшая военная опасность, за подобные высказывания некоторые могли бы оказаться в тюрьме. Можете идти, мы с товарищами займемся другими делами"*. Нарком, выходя из кабинета, не знал, что в приемной его уже ждут не очень приветливые люди, а у подъезда стоит автомобиль совсем другой ведомственной принадлежности.

«Попал под раздачу, бедолага....»

С седьмого июня сидит. Выпустить, что ли? Что б пушки "устаревшие" выпускал – не до новых сейчас? Сейчас и старые сгодятся, нет ведь у Гитлера новых танков, – Сталин остановился на секунду-другую и пробурчал – Молодой⁴² справится. А этот пусть посидит, подумает. Да и товарищу Сталину подумать не помешает.

В самом деле, для чего все это было? Все эти игры с Куликом, да и не только с Куликом? Все эти пушки сто седьмого калибра, бетонные аэродромы на "новых" территориях? Для того, чтобы Гитлер мог быть уверенным, что мы на него (по крайней мере в ближайший год) нападать не соби-

---

⁴² 32-хлетний Дмитрий Федорович УСТИНОВ (1908-84) был назначен на пост наркома вооружения 9 июня 1941 г.

раемся? Или чтобы в этом не сомневались наши потомки: им то должно быть очевидно, что перевооружение и нападение – две вещи несовместные? Нет, в сорок втором все бы это пригодилось, но в сорок первом все это не просто ненужно – вредно. Дать пушки дивизиям, воюющим или формируемым, мы не можем: новых еще нет, а старые уже не производятся. Летчики не могут перелететь на запасные аэродромы, на их месте – котлованы. При такой ситуации и потомков может не быть – некому будет анализировать.

Это Гитлеру и его генералам от моих решений – радость одна. Нет перед ними ни одной полноценной дивизии – все в стадии формирования; нет у этих дивизий авиационной поддержки – неоткуда взлетать нашим самолетам. А то, что солдат и техники у нас не меньше, да и техника лучше (хоть в это то можно верить?!), что толку? Будут сами на нашей технике с нами бороться.

Речь Гитлера и речь Молотова. Молчание Сталина и слова Черчилля.

А что до нашей невинности, то ему на нее плевать. И те, кто захочет (или кому будет выгодно), тоже наплюют. Благо есть на что сослаться», – Сталин все же взял один листок со стола, перевод радиобращения Гитлера:

"Германский народ, национал-социалисты, После тяжелых размышлений, когда я был вынужден молчать в тече-

ние долгих месяцев, наконец наступил момент, когда я могу говорить с полной откровенностью. Москва предательски нарушила условия, которые составляли предмет нашего договора о дружбе. Сейчас приблизительно 160 русских дивизий находятся на нашей границе, В течение ряда недель непрерывные нарушения этой границы. Ночью 18 июня русские патрули снова проникли на германскую территорию и были оттеснены лишь после продолжительной перестрелки.

Теперь наступил час, когда нам необходимо выступить против иудейско-англосаксонских поджигателей войны и их помощников, а также евреев из московского большевистского центра. От Восточной Пруссии до Карпат располагаются формирования германского восточного фронта. Осуществляется концентрация войск, которая по своим масштабам и по своему территориальному охвату является величайшей, какая когда-либо имела место в мире. Принимая на себя тяжёлые обстоятельства, я служу делу мира в этом районе, обеспечивая безопасность Европы и защиту всех стран Европейского континента. Сегодня я решил передать судьбу государства и нашего народа в руки наших солдат. Да поможет нам Бог в этой важнейшей борьбе."

«Не поможет тебе бог, сука. И слов ты внятных не нашел, хоть было у тебя время: ложь, да что-то про жидов (кстати, почему у нас переводят: "евреи"? "Жида" словарному запасу фюрера как-то более соответствуют. Дать указание, что ли?

Нет, нельзя, неправильно поймут...). Пробубнил ты что-то по-наполеоновски несуразное. Тот свое корсиканское – "*рок влечет Россию*", а ты – свое, фашистское, про иудеев-поджигателей, да жидов-большевиков. У меня слова найдутся, но не сейчас, дай срок».

Сталин вдруг вспомнил: «А ведь у Александра времени тоже не было, но он нашел слова. Ведь также не оратор, да и царь – так себе, но отрывок из его речи до сих пор поминают. Добрым словом поминают: "*Солдаты! Вы защищаете Отечество, веру и свободу*". Сейчас все по-другому: и вера у всех разная, да и слово "свобода" приобрело новые смыслы. При Александре свобода – свобода от иноземного владычества, сейчас же все больше права да воля.

Хотя и прежний смысл остался, может помочь. И у других слов остался прежний смысл, вот и вставил я в речь, что прочел Молотов, "*отечественную войну*". И про Наполеона тоже вставил. И три последние фразы: "*Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.*" А остальное – плод коллективного творчества, с миру по нитке – нищему рубашка. И нищим этим я назначил Молотов, хотя понимал: мою речь ждали.

Как это у Пушкина:

*"Будь молчалив; не должен царский голос
На воздухе теряться по-пустому;
Как звон святой, он должен лишь вещать
Велику скорбь или великий праздник."*

Что ж ты не вещал "*велику скорбь*"? "*Великого праздника*" ждешь?»

Сталин вспомнил, что сказал Молотову, вернувшемуся с записи речи – мол, "*видишь, как хорошо получилось, что выступал именно ты. Я звонил сейчас командующим фронтами, они не знают даже точной обстановки, поэтому мне просто нельзя было сегодня выступить, будет еще время и повод*".

«Объяснил, в общем. Точнее: извинился перед соратником – что тут объяснять. Да будь на руках вся информация, ее все равно в речи не используешь, только панику посеешь. А она и так есть, паника.

Будет еще время и повод, – Сталин медленно повторил свои слова. – Только время будет не лучше, да и повод по-мрачнее. Врать придется, изворачиваться. Говорить о потерях противника умалчивая о своих. Может, лучше вчера было бы выступить – да хоть с той же речью? А потом, как "повод" будет, отправить к микрофону Молотова?». Сталин встал с кресла, сделал несколько шагов на затекших от трехчасового сидения ногах, встряхнулся и подвел черту:

«Нет. Не царское это дело – оправдываться. А оправдаться было нужно – потому Молотов. Кто угодно – но не ты. Ты "вещать" начнешь, когда найдешь правильные слова. Пусть лживые, но – нужные народу. Или – когда не найдешь, но деваться будет некуда. Сейчас еще есть время. И, в конце концов, не так уж все и безнадежно. Может быть, все это –

временные трудности. Лиха беда начало, не боги горшки обжигают и т.д., и т.п....»

Сталин вспомнил, что вчера, при принятии решения о создании Ставки Главного командования,⁴³ все собравшиеся в его кабинете предлагали возглавить этот "чрезвычайный" орган именно ему. Но он отказался, предложил Тимошенко.

«Нет, ты просто боишься ответственности. Не в словах дело... Ты просто не знаешь что делать. А слова...

Но ведь Черчилль нашел, что сказать.» Сталин взял листок со вчерашней речью британского премьера и медленно прочитал:

"Я вижу русских солдат, стоящих на пороге своей родной земли, охраняющих поля, которые их отцы обрабатывали с незапамятных времен. Я вижу их охраняющими свои дома, где их матери и жены молятся – да, ибо бывают времена, когда молятся все, – о безопасности своих близких, о возвращении своего кормильца, своего защитника и опоры. Я вижу десятки тысяч русских деревень, где средства к существованию с таким трудом вырываются у земли, но где существуют исконные человеческие радости, где смеются девушки и играют дети. Я вижу, как на все это надвигается гнусная нацистская военная машина с ее щеголеватыми, бряцающими шпорами прусскими офицерами, с ее искусными агентами, только что усмирившими и связавшими по

---

⁴³ Таково было первоначальное (до 10 июля 1941 г.) название Ставки Верховного Главнокомандования

рукам и ногам десятков стран. Я вижу также серую вымуштрованную послушную массу свирепой гуннской солдатни, надвигающейся подобно тучам ползущей саранчи. Я вижу в небе германские бомбардировщики и истребители с еще незажившими рубцами от ран, нанесенных им англичанами, радующиеся тому, что они нашли, как им кажется, более легкую и верную добычу. ...

За всем этим шумом и громом я вижу кучку злодеев, которые планируют, организуют и навлекают на человечество эту лавину бедствий..."

«Может, он свою речь давно подготовил? Не в спешке, не за несколько часов? Может он знал об этой дате заранее? Может быть...

А ведь он пытался тебе об этой войне сообщить. В собственноручно написанном письме, странном письме, личном каком-то. Из нескольких строчек:

"Я располагаю достоверными сведениями от надежного агента, что, когда немцы сочли Югославию пойманной в свою сеть, то есть после 20 марта, они начали перебрасывать из Румынии в Южную Польшу три из своих пяти танковых дивизий. Как только они узнали о сербской революции, это передвижение было отменено. Ваше превосходительство легко поймет значение этих фактов."»

Он получил это письмо 23 апреля, с двадцатидневной задержкой: «Бардак все же в этой хваленой Англии. Сколько бы дней прожил тот, что посмел хоть на минуту задержать

вручение личного послания товарища Сталина? А у них подобное – абсолютно нормальное дело: какой-то вшивый посол решил, что раз он сам чего-то такое недавно написал, то зачем повторяться? И зачем об этом докладывать начальству, он сам – начальство, целый сэр⁴⁴...»

Разведка незадолго до войны доложила ему о странных перипетиях с вручением письма английского коллеги. Он читал донесение, улыбался, в принципе ему это было уже не столь интересно, забавно, разве что. А тогда, в конце апреля, ему было не до улыбок. В самом деле, дней за двадцать до получения этой бумаги Вышинский⁴⁵ проинформировал его о пространной ноте английского посла, содержащей кучу претензий к политике СССР на Балканах и стандартные призывы *"проводить энергичную политику сотрудничества со странами, все еще сопротивляющимися державам оси"* – обычная писулька, можно было и не докладывать. А тут – нечто конкретное, деловое, личное, к тому же. И актуальное: за день до получения письма советский посол в Германии подал немцам официальную жалобу на нарушения границы СССР германскими самолетами. 80 нарушений за 20 дней....

Потому он и дал приказ разведке разобраться с этим письмом. А когда разведка доложила (не по существу, отметил

---

⁴⁴ сэр Ричард Стаффорд КРИППС (1889-1952), с мая 40-го по январь 42-го – посол Британии в СССР

⁴⁵ ВЫШИНСКИЙ Андрей Януарьевич (1883-1954), первый зам. наркома иностранных дел СССР (1940 – 46)

он сейчас, не про описанные Черчиллем немецкие танковые дивизии, а про перипетии с самим посланием), ему этот доклад был не нужен. Он уже все оценил, проанализировал и решил: у Британии все настолько плохо, что даже ее лидер готов выступить в роли провокатора.

«А сейчас у Британии все хорошо. Можно даже с гордостью про английские "рубцы" на немецких самолетах вставить – знай наших! Знаем – только рубцы и можете наносить. Сбивать надо, жечь!

Но, признайся, и у нас не так уж плохо. По крайней мере, мы не одни. А ведь ты еще вчера не верил, что Англия нас поддержит, тому же Молотову перед тем, как выпустить его "в народ", сказал: мол, Гесс⁴⁶ скорее всего договорился с Черчиллем хотя бы о том, что он не будет предпринимать активных военных действий на Западе. Но *"Англия – это еще не все"*, мол *"найдутся и другие союзники"*... Ошибся... А, может, и не ошибся. Ну, сказал Черчилль свою речь – что с того? Речами войны не выигрываются и "рубцами" тоже. А вот чужими руками... В два этапа – если мы проиграем, или в один – если Гитлер проиграет нам. С собственным участием (посильным, естественно, зачем ради русских задницу рвать), или без такового. Нет в его речи ничего конкретного: *"мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую*

---

⁴⁶ заместитель Гитлера по партии, совершивший 10 мая 1941 г. перелет в Англию. Там он был интернирован, но подробности его пребывания в Британии неизвестны до сих пор. Так же до сих пор вызывает вопросы и его смерть в тюрьме Шпандау в 1987 г. (официальная версия – самоубийство).

только сможем" конкретным обязательством не назовешь.

И врагом нашим он остался, даже не скрывает этого:

"Нацистскому режиму присущи худшие черты коммунизма. У него нет никаких устоев и принципов, кроме алчности и стремления к расовому господству. По своей жестокости и яростной агрессивности он превосходит все формы человеческой испорченности. За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем."

Начало речи, первый абзац... Сразу взял быка за рога. А накануне (как мне вчера сообщили), сказал при многих свидетелях: *"Если бы Гитлер вторгся в ад, я по меньшей мере благожелательно отозвался бы о сатане в палате общин."*

Так что и о тебе он будет "благожелательно отзываться". То есть про то, что ты "крокодил", не скажет, а вот про "образцовый интеллект" упомянуть не забудет. А также про то, что бои в России – лишь важные эпизоды великой битвы за Британию:

Гитлер *"хочет уничтожить русскую державу потому, что в случае успеха надеется отозвать с Востока главные силы своей армии и авиации и бросить их на наш остров, который, как ему известно, он должен завоевать, или же ему придется понести кару за свои преступления."*

Его вторжение в Россию – это лишь прелюдия к по-

пытке вторжения на Британские острова. Он, несомненно, надеется, что все это можно будет осуществить до наступления зимы и что он сможет сокрушить Великобританию прежде, чем вмешаются флот и авиация Соединенных Штатов. Он надеется, что сможет снова повторить в большем масштабе, чем когда-либо, тот процесс уничтожения своих врагов поодиночке, благодаря которому он так долго преуспевал и процветал, и что затем будет расчищена сцена для последнего акта, без которого были бы тщетны все его завоевания, а именно для покорения своей воле и подчинения своей системе Западного полушария.

Поэтому опасность, угрожающая России, – это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам, точно так же как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, – это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара."

Но хоть "свободными" нас назвал, и на том спасибо. И за слова "не станет договариваться, никогда не вступит в переговоры с Гитлером или с кем-либо из его шайки." Это важно, все же публично сказано, даже с уточнением – "с кем-либо" .... Опять же, по просьбе Майского⁴⁷ сказано: заранее показал свою речь нашему послу английский премьер и советами его не побрезговал. Свои слова обратно не возьмет, но наши – вставит.

---

⁴⁷ МАЙСКИЙ Иван Михайлович (1884-1975), в 1932-43 – посол СССР в Великобритании

Так что ты к нему несправедлив. Вот, читай: "*Это не классовая война, а война, в которую втянуты вся Британская империя и Содружество наций, без различия расы, вероисповедания или партии*". Тебе это ничего не напоминает? Его двухлетней давности речь в парламенте? Его "*теперь нет вопроса о правом или левом; есть вопрос о правом и виноватом*"? Тогда тебе эта фраза очень понравилась. Ты даже подумал: будь у них премьером Черчилль, все было бы по-другому. А он лишь депутатом тогда был, бесперспективным к тому же, все достижения и посты – в прошлом. А премьером был Чемберлен, тот еще фрукт.»

Поиск союзников: Англия и Франция (1938-39 г.г.). Две попытки, переговоры, тупик

Сталин вспомнил весну 38-го года. Когда после присоединения Австрии к Германии Литвинов⁴⁸ (по согласованию с ним, конечно) сказал на встрече с представителями прессы: советское правительство "*готово участвовать в коллективных действиях, которые были бы решены совместно с ним и которые имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранение усилившейся опасности новой*

---

⁴⁸ Максим ЛИТВИНОВ (1876-1951), с июля 30-го. по май 39-го – нарком иностранных дел.

мировой бойни...". В тот же день это заявление было официально передано властям Великобритании, Франции, Чехословакии и даже США. С сопроводительной нотой в придачу: мол, это не личное мнение наркома, это – *"позиция Советского правительства в отношении актуальных международных проблем"*.

«А нота – не интервью, на ноту полагается отвечать. И англичане ответили, столь же быстро, сколь и мутно: мол, мы приветствовали бы созыв конференции по разрешению европейских проблем, но раз не все страны захотят в ней участвовать, *"она не обязательно окажет, благоприятное воздействие на перспективы европейского мира"*. Однако, разглядеть позицию Британии и через эту муть было несложно: раз им *"коллективные действия"* против агрессии не представляются необходимыми, то и конференцию эту *"не представляется возможным организовать"*. Будь иначе, мы бы ее *"тепло приветствовали"*. Тепло... *"Ибо не холоден ты и не горяч, а тепел, и выблюю я тебя"*, – примерно так в Апокалипсисе.⁴⁹ Но не время было следовать этому совету, хотя блевать, конечно, хотелось. И не в ведро – на них. На Галифакса⁵⁰ прежде всего.

---

⁴⁹ каноническая версия: *"Как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих"*

⁵⁰ граф ГАЛИФАКС, он же – лорд Эдвард ВУД (1881-1959), в 1937 г. – лорд-председатель Совета (второе лицо правительства), в 1938-1940 г.г. – министр иностранных дел Великобритании. В 40-м, на момент отставки Чемберлена, именно он (не Черчилль) был главным кандидатом на пост премьера.

Этот лорд и граф за несколько месяцев до нашей ноты встречался с бывшим ефрейтором и весьма одобрительно отнесся к словам фюрера: дескать, "*два реалистических народа, германский и английский, не должны поддаваться влиянию страха перед катастрофой. Всегда говорят, что если не произойдет того или другого, то Европа пойдет навстречу катастрофе. Единственной катастрофой является большевизм*".

Одобрительно... Так одобрительно, что убедил и Чемберлена (ну, того, наверное, и убеждать не нужно было), и Даладьё⁵¹ в необходимости Германо-Британского "реализма". И когда Гитлер стал активно требовать решения Судетского вопроса, француз не стал вспоминать об обязательствах своей страны перед Чехословакией. Напротив, выступил вместе с англичанином с совместным обращением к чехам – мол, вступайте с немцами в переговоры.

Чехи какое-то время потрепыхались, даже к нам обращались (имели право, был у нас с ними договор о взаимной помощи⁵²) – их Бенеш⁵³ лично с нашим послом общался. Мы на все его вопросы не просто дали положительный ответ: мы с полсотни наших дивизий в боевую готовность привели –

---

⁵¹ Эдуар Даладьё (1884-1970), премьер-министр Франции в 1933, 1934, 1938-40.

⁵² от 16 мая 1935 г.

⁵³ Эдвард БЕНЕШ (1884-1948) – президент Чехословакии в 1935-38 г.г. и в 1945-48г.г. (в 1940-45 г.г. – президент в изгнании)

Литвинов в Лиге наций публично обо всем этом сообщил. Хорошо, кстати выступил, красиво, как теперь можно сказать – пророчески:

"Избежать проблематической войны сегодня и получить верную и всеобъемлющую войну завтра, да еще ценою удовлетворения appetитов ненасытных агрессоров и уничтожения и изуродования суверенных государств, не значит действовать в духе пакта Лиги наций".

Нас уговаривать не пришлось, а вот французов чехи не уговорили. Все было наоборот: в день, когда наш нарком вещал с женевской трибуны, французы (вместе с англичанами, конечно) уговорили чехов отдать немцам свои Судеты. Мол, *"французское правительство считает, что, отвергая предложения, Чехословакия берет на себя риск войны."* То есть, не настаивайте на своей позиции и *"подумайте о способе, как принять англо-французское предложение, что является единственной возможностью предотвратить непосредственную агрессию Германии"*. Англо-французское предложение.... То есть повторение немецкого: отдать Гитлеру все территории, где немцы составляют больше половины населения, но – с сохранением гарантий обрешанной Антанты обрешанному союзнику. Обрешанному по живому – именно в Судетах находилась линия чехословацкой обороны. Мощная линия – ничуть не хуже линии Маннергейма. А за линией и на линии – два десятка прекрасно вооруженных дивизий. Но в них, увы, служили не финны – чехи. Как там у Маяков-

СКОГО:

*"Нежен чех, нежнее чем овечка,
Нету средь славян нежнее человечка.
Дуют пивечко из славных кружечек,
И все уменьшительно – пивечко, млечко..."*

Могли бы и без посторонней помощи постоять за родину, но предпочли дуть пивечко. Или млечко. Возможно, этот Бенеш и не виноват вовсе в сдаче без боя своей страны – просто понимал, что не создан его народ для войн. А, скорее, просто не подготовлен властями (тем же Бенешем, в том числе) к самостоятельной борьбе: не говорили власти народу, что если никто ему на помощь не придет, то разберемся с немцами и без посторонних. Но власти верили союзникам и получили сполна за свою веру.... Словами Черчилля: *"если бы чехов предоставили самим себе, если бы им сказали, что они не получат помощи от западных держав, они могли бы добиться лучших условий, чем те, которые они получили"*. Сразу после Мюнхена произнесены – с парламентской трибуны. Так что есть в Англии приличные люди.... Не только Черчилль, их военно-морской министр⁵⁴, например, протестуя против сговора с Гитлером, ушел в отставку, сказав напоследок в том же парламенте: *"Премьер-министр считает, что к Гитлеру нужно обращаться на языке вежливого благоразумия. Я полагаю, что он, лучше понимает язык бронированного кулака..."* А Черчилль добавил: *"западным демо-*

---

⁵⁴ Дафф КУПЕР

кратиям вынесен ужасный приговор: тебя взвесили и нашли легковесным".

Бенеш, кстати, в знак протеста тоже в отставку ушел. Выполнил мюнхенское решение своих старших товарищей и – ушел. Что б в сороковом вернуться на прежний пост, но не в свою страну – ее уж два года как не было. Наверное, вскоре придется признать его "правительство в изгнании", да и польское⁵⁵, кстати: надо ж нам сделать хоть что-то приятное новому союзнику – Британии.

А тогда, при Чемберлене, Британия напрашивалась в союзники не нам – Рейху. В том же Мюнхене подписал сей Нэвилл с Гитлером целую декларацию: мол, все вопросы отныне они будут решать мирно, консультируясь друг с другом по любому поводу. И этой филькиной грамотой он от всей души размахивал по возвращении из Германии: смотрите, "*я принес мир для нашего поколения*"! Что, должно быть, раздражало Даладье: не уважил его Гитлер – предпочел британца французу. Но не долго длилось это раздражение: в декабре тридцать восьмого и про него вспомнили, подписали с ним такую же декларацию. Небось радовался, настолько радовался, что не заметил, как в промежутке между подписанием этих деклараций Гитлер натравил на Чехословакию своих (или почти своих) шакалов – Польшу с Венгрией. Небось, с его подачи стали они предъявлять претензии чехословацко-

---

⁵⁵ Чехословацкое и польское правительства в изгнании были признаны в июле 1941 г. (18 и 30 соответственно), подробно об этом в главе "40-я ночь..."

му обрубку: мол, чем мы немцев хуже, отдайте нам заселенные нашими братьями территории. И, не дождавшись ответа, ввели на эти территории свои войска. Сперва польские, затем – венгерские.

Ну ладно, нас это особо не касалось, но в тридцать девятом началось нечто новое, нам не безразличное.... Разговоры про Закарпатскую Украину. Как публичные, так и частные. Некий близкий к Чемберлену сэр⁵⁶ сообщил нашему Майскому: Гитлер покушается на ваши территории. Мол, договаривается он сейчас с Польшей, чтобы та дала автономию украинским территориям, а после стала бы требовать от СССР (вместе с Германией, конечно), чтобы к этой автономии была присоединена и советская Украина. Мол, вы же согласны с правом наций на самоопределение, так вам и карты в руки. Точнее – карта, чехословацкая карта. Именно игральная, не географическая, с географией в этих рассуждениях наблюдалась полная неувязка.

Но неувязка – неувязкой, а престиж – престижем. Государственный престиж. Пришлось мне лично на XVIII съезде выступать, аж в Отчетном докладе ЦК ВКП(б) эту тему затронуть. До сих пор могу слово в слово повторить свои мартовские слова:

"Характерен шум, который подняла англо-французская и северо-американская пресса по поводу Советской Украи-

---

⁵⁶ сэр Горацио ВИЛЬСОН, главный советник правительства Великобритании по вопросам промышленности

ны. Деятели этой прессы до хрипоты кричали, что немцы идут на Советскую Украину, что они имеют теперь в руках так называемую Карпатскую Украину, насчитывающую около 700 тысяч населения, что немцы не далее как весной этого года присоединят Советскую Украину, имеющую более 30 миллионов населения, к так называемой Карпатской Украине. Похоже на то, что этот подозрительный шум имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований..."

Нет, Гитлер может и вынашивал какие-то планы в отношении Закарпатской Украины, велись в Германии подобные разговоры, но вряд ли эти планы напрямую были направлены против нас. Скорее всего, ему нужен был дополнительный повод для нападения на ту же Польшу. Эдакий политический штришок – мол, мы не только требуем отдать Рейху заселенный немцами Данциг, мы и о других нациях думаем. Опять же: зачем думать, разрабатывать какой-то польский вариант захвата Польши – вполне сгодится и чехословацкий.

При этом и англичане относительно этих планов могли вполне добросовестно заблуждаться. Читали же они «Майн кампф», запомнили небось, что "жизненное пространство» для Германии может быть найдено только в экспансии на Восток, а экспансия на Восток означает, что рано или поздно весьма вероятно столкновение между Германией и Россией".»

Что ж, он тоже читал эту книжку. Читал и перечитывал. И все важное запомнил. В том числе и это:

"Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены."

«И то, что далее следовало, не забыл:

"Для нашей политики мы сможем найти в Европе только одного союзника: Англию. Только в союзе с Англией, прикрывающей наш тыл, мы могли бы начать новый великий германский поход."

Но к марту тридцать девятого всем было уже не до цитат из гитлеровского опуса, да и не до Закарпатья. Начались волнения в Словакии, парламент этой автономии объявил Словакию самостоятельной, и пятнадцатого марта для защиты живущих уже на чешских землях "несчастных немцев" гитлеровские войска вошли в Прагу. Всем было понятно: конфликт был создан Германией, опирающейся на этих самых "несчастных" (полмиллиона человек, вооруженных в том числе. Кстати, в Поволжье их не меньше, одно радует – не вооруженных. Пока не вооруженных, а там.... Не забыть!).

Всем понятно, но – не Чемберлену. Тот все воспринял по другому, сугубо официально. И официально же заявил:

"Словацкий парламент объявил Словакию самостоятельной. Эта декларация кладет конец внутреннему распаду государства, границы которого мы намеревались гаран-

тировать, и правительство его величества не может поэтому считать себя связанным этим обязательством".

Гитлеру это заявление, наверное, понравилось. По крайней мере, выводы он сделал верные: практически тут же его правительство потребовало от Литвы Мемельской области. А через три дня и получило – при полном молчании гарантов литовской территориальной целостности. То есть англичан и французов. Нет, без свидетелей они очень даже возмущались: только не немцами – литовцами. Когда те заикнулись о старых гарантиях, британский посол в Литве аж разгневаться соизволил. И вошла германская армия в бывший Клайпедский край, красиво вошла – вместе со своим фюрером. По морю аки по суку пришел, сука, весенним днем⁵⁷, на большом линкоре.

Но англичан с французами все это не смутило, они продолжали давать гарантии, на этот раз наступил черед Польши, затем – Греции и Румынии⁵⁸.

Зачем давали? Сейчас это сложный вопрос, без ответа. Ведь Гитлер уже начал решать "польский вопрос" по "чешскому" сценарию, одно слово поменяв: Судеты на Данциг. Не могут же они и в тридцать девятом пойти по старой схеме, добиваться согласия Польши на обрезание? Забыть, что поляки – не чехи, поляки – люди с гонором. Как и англича-

---

⁵⁷ 23 марта 1939 г.

⁵⁸ к 19 апреля 1939 г. все эти три страны получили гарантии от Франции и Англии

не – превращать некогда первую в мире державу в последнюю публичную девку мало кому из них хотелось. По крайней мере, публично.

Зачем они снова давали гарантии? Невозможно понять это сейчас, в сорок первом, а в тридцать девятом все казалось очевидным: Чемберлен с Даладье наконец-то осознали всю реалистичность замыслов "Майн Кампф" и решились на нечто более серьезное, чем дача пустых обещаний. Или вспомнили, наконец, в той же Англии, что не Англия она – Британская Империя; не крохотные островки на северо-западе Европы – четверть земной суши, где живет под сорок пять миллионов человек.»

И он подумал: наконец-то появляются реальные шансы на обретение союзников в предстоящей войне с Гитлером. Тогда, два года назад, он ни на секунду не сомневался в предстоящей войне, и все его предпочтения в выборе союзников были на стороне Англии и Франции. Он шел им во всем навстречу, а они брезгливо от него отворачивались;

«Особенно Англия, французы вели себя вполне по-французски: вежливо, гордо и трусливо. Как французский бульдог: внешность – бульдожья, характер – болонки. Может облаять, но драться... Забавно, а ведь породу эту англичане вывели, они же и название ей дали. Понимают национальный характер соседей: по виду – англичане, только помельче и без бойцовских качеств. Результат наполеоновских войн, где "гвардия умирала, но не сдавалась". Новые поколения

французов рождались, прямо скажем, не от "гвардейцев". И воспитывались не в "гвардейском" духе. Экзистенциалисты, мать их...

Вон, в тридцать пятом французы даже захотели пакт с нами заключить – о взаимной помощи в случае возникновения агрессии. Три дня в Москве торчал их министр иностранных дел, мы его, подонка⁵⁹, радушно принимали, на разные темы говорили.... Действительно на разные: Лаваль попытался заступиться за русских католиков – мол это поможет ему в делах с Римским папой. А товарищ Сталин ему в ответ: "*Папа. А у него сколько дивизий?*". Полудурок, принял юмор за чистую монету! Нет, почему меня держат за идиота? Как им в голову приходит, что богослов-большевик может не понимать значение религии – хотя бы как формы идеологии? Надо быть поосторожнее с шутками, а то сперва не поймут, а потом на голубом глазу всему миру расскажут. Как, собственно, этот Лаваль и сделал.

А вообще, зачем приезжал, зачем встречался?» Тот самый пакт Сталин был готов подписать хоть в первый день – пустая была бумага, но как почин вполне годилась. И на ратификацию ее сразу отправил – чего тянуть. Французы же, получив подписанный документ, в парламент его сразу не отдали, от обсуждения военного приложения к нему уклони-

---

⁵⁹ Пьер ЛАВАЛЬ (1883-1945). С 1940 г., после разгрома Франции – активный деятель режима Виши. При де Голле по приговору парижского суда был расстрелян за государственную измену.

лись – целый год франко-советский договор так и оставался простой бумажкой⁶⁰. «Сам же Лаваль из Москвы уехал в Польшу, к врагам, можно сказать. И ладно – к врагам в конце концов, похороны Пилсудского – повод вполне приемлемый, но в Варшаве он общался не только с поляками – с Герингом. Приватно общался, без свидетелей. Но о чем общался мне очень скоро сообщили, по немецким, скажем так, каналам – сплошные гадости про СССР и его руководство.

Зачем приезжал? Лишь одно объяснение⁶¹ было у товарища Сталина: на самом деле французам было нужно лишь его официальное заявление с одобрением "*политики национальной обороны, проводимой Францией*". Они как раз затеяли и перевооружение, и призыв в армию на два года – вот и понадобилась им поддержка "Советов" (да, симпатии простого народа иностранных государств к СССР и его вождю – не только наша пропаганда). А когда его страна (то есть он, Сталин) сделала нужное им заявление, французские власти утратили к ней интерес. Зато мне интересно – прав я в своем анализе или нет? Или прав сам Лаваль, не стеснявшийся говорить при многих свидетелях: "*Я подписываю франко-русский пакт для того, чтобы иметь большие преимущества, когда буду договариваться с Берлином*"?

---

⁶⁰ Обмен ратификационными грамотами франко-советского договора состоялся 27 марта 1936 г.

⁶¹ так же объяснил цель визита Лавалья и ЧЕРЧИЛЛЬ в своей "*Второй мировой войне*"

А также непонятно, зачем была нужна французам их эта новая "политика национальной обороны" – ведь легли под немцев особо не сопротивляясь? Что, Париж стоит не только мессы, но и Франции? Испугались, что их столица будет разрушена немецкой авиацией, а потом изнасилована той самой (по Черчиллю) "серой вымуштрованной массой свирепой гуннской солдатни"? И решили сдаться без боя, хотя бы для того, чтоб насильник был посимпатичней: не солдатня – "щеголеватые прусские офицеры". Таким и отдаться приятно, можно даже страсть изобразить. Лягушатники... И лягушатницы... Правильно о них в тридцать девятом Суриц⁶² говорил: "Франция наших дней – это великая держава второго ранга, считающаяся великой державой больше по традиции... И – странно! – французы с этим как-то примирились".

Англичане же вели себя по-другому. Вполне по-английски, со всей присущей им спесью и презрением. Держа своих собеседников за полных идиотов. Как всегда, как еще в восемнадцатом веке... Ведь знали отлично, что Павел претендовал на Мальту, любил наш странный император мальтийские игрушки. Но захватили сей островок сами, а Павлу сообщили: дескать, мы взяли Мальту, а ты – бери Корсику. Мы против этого совсем не возражаем. Тебе, кретину, должно быть, невдомек, что за свой островок Бонапарт кому угодно

---

⁶² Яков Захарович СУРИЦ (1882-1952), в 1937-1940 г.г. – полпред СССР во Франции

глотку перегрызет, тебе лишь нужно знать, что мы – не против. А он, царь, хоть действительно странным был, может даже и ненормальным, но не в такой же степени. И толкнули вы его не на завоевание Корсики, а на завоевание Индии. И в объятия Наполеона. Таков был последний приказ императора и последнее его письмо. Не убей его собственный сынок (при полной вашей поддержке, а, может, и по полной вашей инициативе), все было бы по-другому. Взбеленили вы царя, довели до ручки. И до смерти.

Это товарища Сталина убить совсем не просто. Ему о готовящемся покушении обязательно доложат. Кто бы это убийство ни готовил – пусть даже дочь любимая, не говоря уже о друзьях-товарищах. Которых, по правде, и нет вовсе.

И взбеленить его не просто. Он – терпеливый, если раньше терпел унижения от ленинских "соратничков", что ж сейчас не потерпеть от "посторонних"? Французы, хоть и лягушатники, а все ж есть у них национальная мудрость. Вот, поговорку придумали – *"предают свои"*! Чужой предать не может, на него даже обижаться не след. . . . Вот и терпел товарищ Сталин оскорбления-унижения от Англии-Франции, провокации всякие, но – до поры до времени. . . .

Англичане начали свои издевательства в марте тридцать девятого. Тогда (кажется, восемнадцатого числа) англичане официально спросили *"может ли Румыния рассчитывать на помощь СССР в случае германской агрессии и в какой форме, в каких размерах?"* Литвинов им, естественно, отвечает:

мол, а вы-то сами что делать в этом случае собираетесь? И, опять же, почему об этом вы спрашиваете, а не румыны? Но этим письмом Литвинов не ограничился, в тот же вечер вызвал к себе очередного "сэра" (или как там его величать?⁶³) и передал ему советское (то есть мое) предложение: "немедленно созвать совещание из представителей СССР, Англии, Франции, Польши, Румынии и Турции" ... Все заинтересованные стороны, даже Польшу включили – не было тогда у СССР общей границы с Румынией... Что ж, ответ был дан без проволочек, целый лорд и граф (не "сэр" какой-то), сам Галифакс, министр иностранных дел, на следующий день сообщил советскому полпреду что *"он уже консультировался с премьером по вопросу о предлагаемой Вами конференции, и они пришли к выводу, что такой акт был бы преждевременным"*. То есть говно у вас на лаптях не обсохло аглицких аристократов учить. Нам, мол, ничьи советы не нужны, мы сами все подготовим.

И довольно быстро подготовили: уже через неделю (правда, не лорд, а тот самый "сэр") вручил Литвинову британский проект декларации четырех стран (почему-то без Румынии и Турции). И заявил еще при этом: *"декларация составлена в таких не обязывающих выражениях и так лаконично, что вряд ли могут быть серьезные возражения"*. И в самом деле, все обязательства сторон – совещаться друг с другом

---

⁶³ Посла Великобритании в СССР Уильяма СИДСА (1882-1973), сэра, естественно

о "шагах, которые должны быть предприняты для общего сопротивления агрессии". Пустота.... Но как почин.... Посему уже на следующий день мы официально приняли британское предложение. А в ответ – сперва молчание, ну а недели через две безапелляционное шипение: "вопрос о декларации следует считать отпавшим".

Зачем им все это было надо? Может, как тому же Лавалю, чтоб собственный народ был доволен? Тем, что британское правительство ведет переговоры с СССР, борется за мир, ну и все такое-прочее? Общественность должна радоваться – в особенности, если ее в детали не посвящать?

А детали такие – до сих пор вспоминать противно. Например, в середине апреля англичане с новой инициативой выступили: мол, не желаете ли сделать заявление – дескать, в случае агрессии против какой-либо европейской страны СССР окажет ей помощь.... Если та, конечно, этой помощью не побрезгует? Когда-то мы были жандармами Европы, а теперь мы кто – спасатели? Вы, как всегда, в стороне, а мы, как всегда, в боях? И, как всегда, бесплатно? Без ответных обязательств, хотя бы словесных? Нет, конечно, вы дали гарантии трем лимитрофам, но чего стоят ваши гарантии? И как вы можете их реализовать, не имея с той же Польшей общих границ? Гарантии – ваши, а солдаты – наши? Даже Ллойд Джордж, вчерашний враг,⁶⁴ все это безобразие понимал и го-

---

⁶⁴ Дэвид ЛЛОЙД ДЖОРДЖ (1863-1945), в 1916 – 1922 г.г. – премьер-министр Великобритании, затем (до конца жизни) – депутат палаты общин.

ворил об этом Майскому. Другими словами, конечно...

Достали... И семнадцатого апреля тридцать девятого правительствам Англии и Франции были официально, публично (с публикацией в их газетах) вручены мои предложения. Простые и ясные, как все, что выходит из-под моего пера. в случае агрессии в Европе против любого из подписавших пакт остальные его участники должны немедленно оказать ему помощь, военную, в том числе.

Но властям этих стран сей документ оказался ненужным. Особенно английским: французы уже окончательно легли под бриттов.... Должно быть, готовились к немецкой оккупации, привыкали к позе.

Одно радовало: хоть какая-то публичность при обсуждении – парламентские дебаты от людей не спрячешь. Выяснилось хотя бы, что у сталинского предложения есть аж два заметных (и постоянных) сторонника, они же – бывшие заметные (и постоянные) враги: Черчилль и Ллойд Джордж. Да, в их круг входил и Иден⁶⁵, но тот свою известность получил лишь в тридцатые (кстати, лично ты знаком только с ним: в тридцать пятом весьма мило побеседовали)...

Но парламент что – ширма. Реальные решения принимает правительство, а там у трехстороннего договора был лишь один сторонник, да и тот – "врач"⁶⁶. Остальные же смотрели

---

⁶⁵ Энтони ИДЕН (1897-1977), в 1935—1938 и в 1940—1945 г.г. министр иностранных дел, в 1955—1957 г.г. – премьер-министр Великобритании

⁶⁶ Министр здравоохранения Вальтер ЭЛЛИОТ, состоял в приятельских отно-

на Чемберлена да Галифакса – им было на что смотреть.

Галифакс всегда считал нас эдаким недоразумением, он еще в марте тридцать девятого говорил: *"Если выбирать между Польшей и Советской Россией, то совершенно ясно, что Польша представляет большие ценности"*. Ценности этого лорда и ему самому вряд ли понятны, корчит из себя истового христианина, нас ненавидит по *"религиозным соображениям"* – сам об этом говорит на каждом шагу. Но куда его вера пропадала, когда он с Гитлером общался? Например, в тридцать седьмом четко дал понять фюреру, что Британия не будет мешать ему в Восточной Европе – значит, в той же Польше. Когда стенограмму совещания мне разведка показала, я даже руками развел. Мало того, что подлец (ну тут ничего нового, именно он, служа вице-королем Индии, Махатму Ганди в тюрьму упек), так еще и дурак....

Вместе с Чемберленом. О глупости и полной бездарности британского премьера постоянно Майский докладывал – еще в бытность того министром финансов. Переговорщик – просто никакой, а если так считает простой полпред, то как его оценивает Гитлер? Ну, когда-то оценивал, сейчас ему, небось, не до Чемберлена. Да и тебе, по правде, тоже....»

Но Сталин не мог остановиться. «Нет, заявлять при куче свидетелей (при "враче", в том числе), что, *"ощущает серьезное недоверие к России и не уверен, что нуждается в по-*

шениях с Бернадом ШОУ, а через него – с нашим полпредом Иваном МАЙСКИМ.

мощи от этой страны". С такими ощущениями – да к психиатру... В итоге восьмого мая нам было предложено принять одностороннюю декларацию: мол, мы обязуемся в случае войны немедленно оказать содействие Польше и Румынии (а захотим – и Великобритании с Францией).

(Да, разозлили они меня. Но злость я сорвал не на них, чужих, а на своем, Литвинове – снял его с поста. Тот, правда, сам в отставку попросился, но это потому, что умный. Заметил, что когда Молотов назвал его политику в Англии и Франции *"политическим головотяпством"*, я был на стороне Вячеслава, даже головой кивал – вот и попросился. Ия его по-хорошему снял, с формулировкой *"ввиду серьёзного конфликта между председателем СНК тов. Молотовым и наркоминделом тов. Литвиновым, возникшего на почве нелояльного отношения тов. Литвинова к Совнаркому"*. Лаврентий до сих пор обращается за санкцией, но я ее не даю. И не дам: Максим мало того, что приятель – он еще и умный. Дурак бы не стал говорить правду, что англичане нас пошлют с нашими предложениями куда подальше, он бы тянул до последнего. А тот сообщил свой неутешительный прогноз – да еще в абсолютно утвердительной форме – дней за пять до английского отказа. Потому живой, не судимый, даже не подсудный. Скоро понадобится.

Но не на прежнем посту, занят пост. Даже удивительно: Молотов вполне даже профессиональный дипломат оказался. Хотя, конечно, наш ответ на их ответ готовил не Вяче-

слав, но он его озвучивал. И все эти официальные *"принципы взаимности"*, *"взаимные гарантии"*, *"действенная взаимопомощь"* у него от зубов отскакивали. А когда Германию посещал, даже новую дипломатическую формулировку выдумал. Его спрашивают, согласен ли он с речью фюрера, а он в ответ: *"согласен со всем, что я понял"*. Наш советский Меттерних. Или Талейран – но не предатель. Как про таких Черчилль – *"их мало, но они преданны"*. Я бы добавил *"лично преданны"*. Правда, Молотов конечно не Бисмарк, тот – *"железный"*, а этот – *"каменный"*⁶⁷. Но и не его это роль – принимать решения, он должен их мне предлагать, а потом – озвучивать. Но жестко: по-сталински – не по-литвиновски....

От наших предложений провести переговоры на тему *"эквивалентной помощи"* англичане напрямую не отказались, но поиздевались вдоволь (Небось, удивились ультимативному тону нашей ответной ноты: или тройственный пакт взаимопомощи, или крах переговоров. А крах им был не нужен, как после краха гарантии лимитрофам реализовывать?).

Сперва больше двух недель тянули с ответом. Потом⁶⁸ все же снизошли, предложили свой вариант пакта взаимопомощи. Мы через неделю – свой. Надо обсуждать. Но на встречу с Молотовым (главой Правительства!), был послан

---

⁶⁷ Одно из прозвищ Молотова, прилипшее к нему еще до революции, – каменная задница.

⁶⁸ 25 мая, то есть через два с половиной месяца после первой советской ноты

не Галифакс, а некий чинуша из Форин-офис⁶⁹. Отправлять в Москву министра "было бы унижительно для нас", объяснил Чемберлен своим подчиненным. Хорошо хоть, не публично: пришлось бы официально обидеться. Нет, с Гитлером им общаться не унижительно, а вот со Сталиным....

Хотя бы Идена послали (он предлагал свои услуги), но не свой для них Иден. Тем более что Иден приехал бы с целью заключить пакт, а не с целью затянуть переговоры. Тут нужен свой, опять же, не политик – чиновник.

А пакт они заключать не хотели. В общем, это было и в мае понятно, но в июле Майский нашел и доказательство – фразу Чемберлена "я все еще не потерял надежды, что мне удастся избежать подписания этого несчастного пакта". Сказал он это приватно, по-дружески, какому-то министру⁷⁰, а тот проболтался. Они же все болтливы, демократы непуганые.

Но мы, тем не менее, своей надежды на пакт не потеряли. Да и Майский время не терял, опять же, и Вячеслав с аглицким послом и чинушей этим поработал – к июлю почти все расхождения в проектах были сняты. Правда, им не пакт был нужен, как тот же Гамильтон в июле говорил: "Наша главная цель в переговорах с СССР заключается в том, чтобы предотвратить установление Россией каких-либо связей с

---

⁶⁹ Заведующий центрально-европейским департаментом британского МИДа Вильям СТРЕНГ.

⁷⁰ Министру авиации маршалу Кингсли ВУДУ

Германией". Понимал, чем все может закончиться.... А мы, понимая его понимание, понимали и другое: никуда англичане от нас не денутся. И хотя бы из страха перед возможностью нашего пакта с Гитлером заключат пакт с нами. Пусть, ограниченный", но не беда: начнем с ограниченного, а там дойдем и до полного. Как там по латыни: "*капля дробит камень не силой падения, а частым попаданием*"⁷¹?

Жаль, капли эти было направлять не на кого. Хотя и пошли бритты навстречу в главном нашем предложении – заключить пакт одновременно с подкрепляющей его военной конвенцией (пусть и секретной в некоторых положениях), но кого они нам прислали для ведения переговоров? Не министра, не заместителя министра: их делегацию возглавил человек, отвечающий за городскую гауптвахту, да за организацию патрулей в этом городе⁷².... Майский о нем ни слова сообщить не мог, поскольку даже имени его не слышал. Все, что сумел нам доложить полпред (не сразу, причем), так это то, что сей старичок "*близок ко двору*", а также, что "*саботаж тройственного пакта продолжается*".

Но это мы и без него знали – в том числе потому, что делегация эта (вместе с французской, состоящей тоже не пойми из кого) прибыла к нам лишь через десять дней после ее создания. А мы их – честь по не чести (или по нечисти), офици-

---

⁷¹ "*Gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo*" (цитата из Овидия, тогда – общеизвестная)

⁷² комендант Портсмута адмирал Реджинальд Планкет Эрнл Эрле ДРЭКС

альные приемы по первому разряду (лучше бы по первой категории), состав нашей делегации – выше некуда, там и нарком, и начальник Генштаба... Весь синклит, двумя словами. А у этих нет даже официальных полномочий на заключение конвенции. У французов хоть права на ведение переговоров наличествовали, у англичан же вообще никакой бумажки не было. Но мы с ними все равно общались (аж семь заседаний провели!), и статус своей делегации не понизили – тот же Ворошилов с Шапошниковым на них свое время теряли... До двадцать первого августа – в этот день Клим сделал заявление о "перерыве" в переговорах. По указанию товарища Сталина... Да и не будь товарища Сталина, решение было бы тем же:

"...делегации Великобритании и Франции представляли довольно плачевную фигуру. "Вы видите этих господ? – говорили хозяевам Кремля агенты Германии: если мы с вами разделим Польшу, они не посмеют шевельнуть пальцем". Подписывая соглашение, Сталин мог, в своей ограниченности, надеяться, что большой войны вообще не будет. Во всяком случае он покупал для себя возможность уклониться от участия в войне на ближайший период. А дальше "ближайшего периода" сейчас не думает никто."

Иудушкины слова. Смесь гадостей в мой адрес с признанием правоты обгаженного. И это не единственное, что Троцкий по этому поводу сказал, в целом верно сказал:

"Было бы, в самом деле, слишком наивно думать, что со-

*трудничество Сталина с Гитлером основано на взаимном доверии: эти господа слишком хорошо друг друга понимают. Во время переговоров в Москве летом прошлого года германская опасность могла и должна была казаться не только вполне реальной, но и совершенно непосредственной. Не без влияния Риббентропа в Кремле, как сказано, предполагали, что Англия и Франция останутся неподвижны перед совершившимся фактом разгрома Польши, и что у Гитлера руки могут оказаться развязанными для дальнейшего движения на Восток. В этих условиях вопрос о союзе с Германией естественно дополнялся вопросом о материальных гарантиях – против союзника. Весьма вероятно, что инициатива в этой области принадлежала динамическому партнеру, т. е. Гитлеру, который предложил **осторожному и медлительному** Сталину взять самому "гарантии" вооруженной рукой."*

*"Осторожный и медлительный Сталин" ... Осторожный и несуетливый – так будет правильней. И этот Сталин, настоящий Сталин, внимательно оценив все "за" и "против", принял взвешенное и единственно возможное решение – пойти на мир с Гитлером. Что-то типа "брестского мира", но не столь похабного (или "*похабнейшего*" – если ленинскими словами). Напротив, совсем не унижительного, очень даже выгодного. Мир лучше не Брестского – Тильзитского: как и в 1807 получаем новые территории (тогда – Финляндию и Бессарабию, теперь – часть Польши и Прибалтику), а за это лишь обязуемся не нападать на нового басурманина. Ника-*

кого военного союза, никакой блокады враждебных не нам государств – всего лишь дружественный нейтралитет. И никаких уговоров: сами все предложили, сами все дали – как у Миши.

Тоже поиск союзников: Булгаков, Пастернак, Замятин, церковь

Сталин вспомнил фразу из неопубликованной и даже не отданной автором в издательство рукописи – весь круг читателей книжки составлял только он да несколько чекистов. «Как ее – "Евангелие от сатаны?" Или просто "Сатана?" Хотя, сколько там было названий: больше, чем вариантов – тех было три и все сфотографированы. В самом деле: если автор интересен товарищу Сталину, то и *рукописи не горят*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.